

A detailed portrait of Elizabeth I, the last monarch of the Tudor dynasty. She is shown from the chest up, wearing an elaborate white lace ruff collar and a richly decorated gold and red garment with intricate patterns. Her hair is styled in a voluminous, curly golden-brown wig. The background is a solid black.

Перст королевы

Елизавета:
Последний монарх
из дома Тюдоров

Джон
Гай

Джон Гай
Перст королевы.
Елизавета: Последний
монарх из дома Тюдоров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63715713

Елизавета. Золотой век Англии: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва;

2021

ISBN 978-5-389-25124-3

Аннотация

Специалист по истории Тюдоров с мировым именем, автор целого ряда научно-популярных бестселлеров Джон Гай переосмысляет поздний период биографии одной из наиболее известных правительниц Англии, Елизаветы I. Показывая королеву на пике ее могущества, Джон Гай обращается к годам, которые недостаточно полно освещали другие историки, и развенчивает множество мифов, сложившихся вокруг ее имени.

Елизавета I была коронована в 25 лет, однако лишь в 50 обрела реальную власть. Ей больше не нужны были советники, долгое время убеждавшие выйти замуж и восстановить порядок престолонаследия. Елизавета была полна решимости не только возглавить государство, но и полноценно править. Джон Гай знакомит нас с амбициозной королевой, раскрывая ее многогранный характер: могущество и уязвимость, своенравие

и неуверенность. Война Англии против Франции и Испании, восстание в Ирландии, экономический кризис и политический заговор с целью возвести на престол Марию Стюарт – вот лишь некоторые из проблем, с которыми столкнулась Елизавета в эти годы (1583–1603). При этом у королевы, как подчеркивает автор, было свое оружие – язык. С момента созыва своего первого парламента она отводила от себя все упреки, прибегая к риторической уловке: «За меня мой народ».

Джон Гай проделал удивительную работу с архивами, в том числе с письмами, черновиками и дневниками королевы, отражающими ее внутренний мир, в результате чего мы слышим истинный «голос» Елизаветы. Новаторское исследование Елизаветинской эпохи, написанное вдохновенным и живым языком, будет интересно широкому кругу читателей.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

От автора	15
Предисловие	17
Введение	32
1	66
2	96
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Джон Гай
Перст королевы.
Елизавета: Последний
монарх из дома Тюдоров

John Guy

ELIZABETH

The Forgotten Years

© John Guy, 2016

© Фролов В.И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

* * *

Волнующая история последних лет правления королевы Елизаветы I, прекрасно рассказанная крупнейшим специалистом современности по истории Тюдоров. Книга будет интересна всем, кто увлекается политикой того периода, когда Шекспир создавал свои пьесы. Читатель узнает обо всем – от вопроса

о престолонаследии до подавления восстания в Ирландии.

Джеймс Шапиро, шекспировед, профессор английского языка и сравнительной литературы Колумбийского университета

Интереснейшее чтение, наглядная и подробная биография стареющей Елизаветы, основанная на серьезных научных исследованиях.

Клэр Томалин, журналист, биограф

Свежий взгляд, захватывающая и восхитительно человеческая история.

Стейси Шифф, лауреат Пулицеровской премии

Прекрасная книга... Автор открывает нам, что все наши представления о Елизавете ошибочны... Протестантка в католической Европе, женщина в политическом мире мужчин, дочь человека, казнившего свою жену, то есть ее мать, она — уникальная историческая личность, самая яркая европейская правительница со времен Карла Великого.

Эндрю Робертс, историк

Глубочайшая аналитическая работа, развенчивающая множество мифов. В эту историю, рассказанную в мельчайших подробностях, нельзя не поверить.

Анна Уайтлок, историк, директор Лондонского центра общественной истории

Великолепный рассказ о второй половине

правления Елизаветы, в котором многие события пересматриваются, а мифы развенчиваются, и все это благодаря тщательному изучению рукописей и переписки. Ведущий мировой специалист по истории династии Тюдоров создал увлекательнейшее повествование, поражающее исторической точностью. Каждая новая книга этого автора – важнейшее событие.

Sunday Times

Блестящая летопись, торжество научного кругозора и таланта рассказчика.

Telegraph

Великолепная книга мастера работы с архивными документами. Мало кому удавалось так кропотливо изучить рукописи Елизаветинской эпохи... Благодаря внимательному анализу как известных, так и неизвестных документов из европейских архивов автор создал новый портрет королевы.

Guardian

Прекрасная история о женщине и правительнице. Автор привлекает множество ранее не использованного материала, и королева предстает в отчетливом шлейфе амбиций и тревоги. Много внимания уделяется разного рода обманам и заговорам, которых хватало в тот период ее правления. Непревзойденный шедевр искусства биографии.

Аманда Форман, историк, биограф

Великолепное и исчерпывающее освещение истории Елизаветинской эпохи.

Country Life

Выдающееся произведение. В этой захватывающей книге автор – безусловный авторитет в своей научной области и прекрасный рассказчик – создает живой портрет королевы, развенчивая наиболее распространенные мифы. Лучшая из когда-либо написанных биографий Елизаветы I.

Kirkus Reviews

Стереоскопический образ опытной и уверенной в себе королевы, чье богатое событиями правление, пронизанное кафкианскими мотивами, продолжает волновать умы и в наше время.

Publishers Weekly

Результат скрупулезной работы, захватывающая история... Психологический портрет королевы, встречающей закат своего правления, чрезвычайно увлекает.

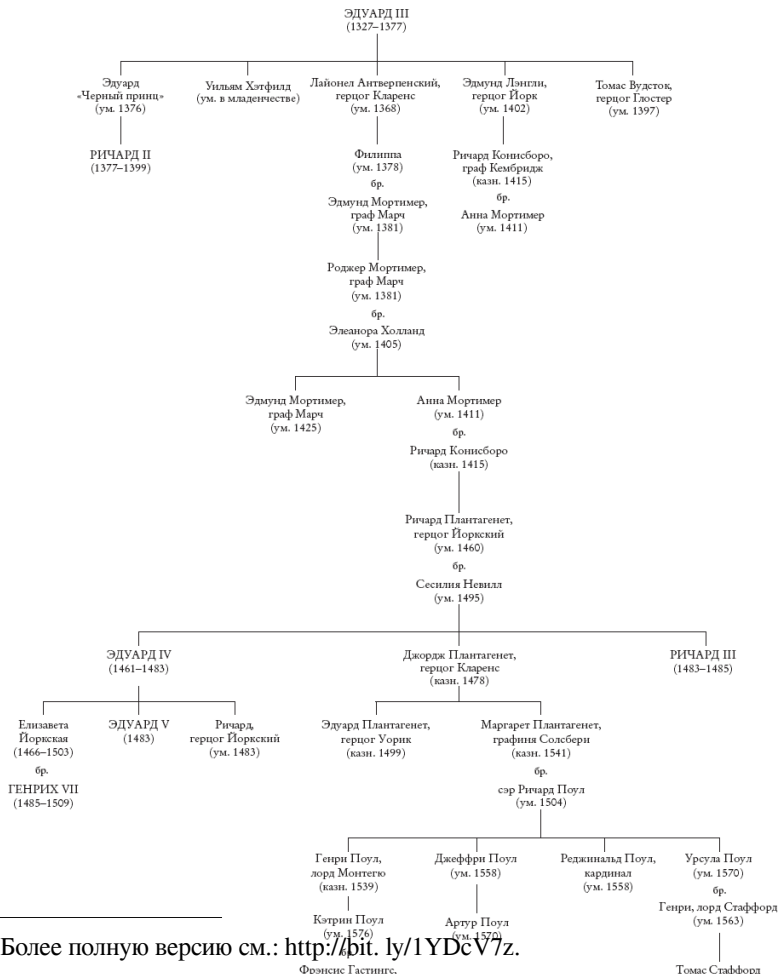
Library Journal

Большинство историков сосредоточиваются на раннем периоде правления Елизаветы, а последние годы традиционно предстают своего рода эпилогом к казни Марии Стюарт и победе над Великой армадой. Однако автор этой книги приводит убедительные аргументы в пользу того, что именно закат правления наиболее

ТОЧНО ВЫСВЕЧИВАЕТ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ.

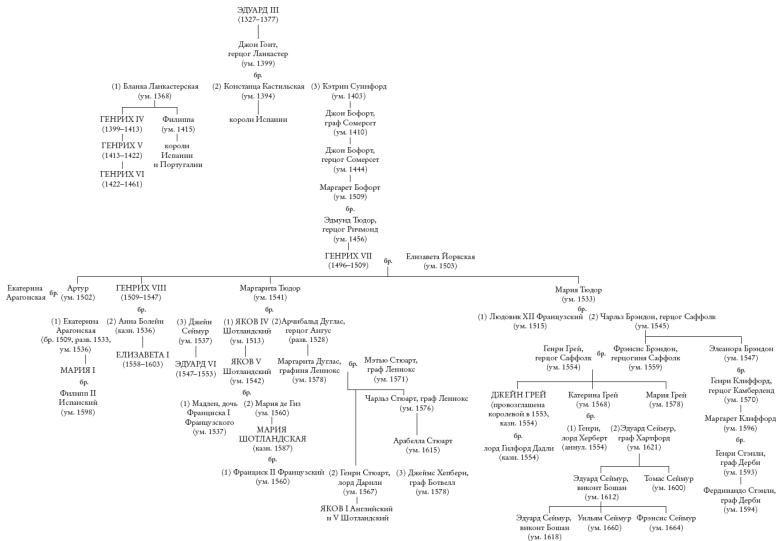
Economist

Потомки Эдуарда III: линия Йорков¹

¹ Более полную версию см.: <http://bit.ly/1YDcV7z>.

Потомки Эдуарда III: линия Ланкастеров и Тюдоров²

Англия, Шотландия, Уэльс

Северная Франция и Нидерланды

Ирландия

Ирландия

0 50 миль

От автора

Все даты в книге приводятся по старому стилю (юлианскому календарю), который использовался в Англии в XVI столетии, однако началом года мы считаем 1 января, а не Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта), как это было принято тогда. Новая григорианская система исчисления времени, сдвигающая даты на десять дней вперед, была разработана в Риме в 1582 году, в октябре того же года она начинает использоваться в Италии, а также во владениях Филиппа II в Испании, Португалии и Новом Свете. В декабре новый календарь приняла Франция и отдельные регионы Нидерландов (Брабант, Фландрия, Голландия и Зеландия). Католические государства Священной Римской империи присоединились к ним в 1583 году. В Англии, Шотландии, Ирландии, Дании и Швеции старый стиль использовался вплоть до 1752 года (в ряде провинций Нидерландов – до 1780-х годов). Из соображений последовательности, даты, которые в первоисточнике были даны по григорианскому календарю, здесь приведены по старому стилю.

Цитаты из первоисточников оформлены в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. В частности, добавлены знаки препинания и заглавные буквы, отсутствующие в оригинальных рукописях.

Денежные единицы даны в додесятичной системе, кото-

рая использовалась в Англии вплоть до 1971 года. Так, в одном шиллинге – 12 пенсов (сейчас 5), в фунте же – 20 шиллингов и т. д. Пересчитать суммы и цены XVI века на современные деньги крайне трудно, поскольку почти невозможно учитывать влияние инфляции, а также по причине частых и сильных колебаний относительной стоимости товаров и земель. Однако грубый эквивалент можно получить, умножая все числа на тысячу.

Предисловие

Внучка основателя династии Тюдоров Генриха VII, дочь Генриха VIII от Анны Болейн, Елизавета родилась в Гринвичском дворце немногим спустя три часа пополудни в воскресенье 7 сентября 1533 года. На английский престол она взошла последней из детей Генриха. Пережив в годы правления Марии Тюдор (своей сестры по отцу) ряд тяжелых, а порой и страшных испытаний, Елизавета утром четверга 17 ноября 1558 года была провозглашена королевой Англии. Двадцати пяти лет от роду ее помазали и короновали в Вестминстерском дворце, и на сорок четыре года она заняла английский престол, что представляется значительным достижением (никто из ее предшественников, кроме Эдуарда III, не правил Англией дольше).

До недавнего времени биографы уделяли внимание первым четырем десятилетиям жизни Елизаветы, начиная с пятого интерес исследователей постепенно иссякал. В отношении мирного времени, до нашествия испанской Армады, консенсус сложился, а последующие военные годы обычно описываются вскользь или же с опорой на монументальный труд Уильяма Кэмдена «Анналы» (*Annales*)³, известный нам теперь под названием «История Елизаветы». Оконченный на

³ Полное название – *Annales Rerum Gestarum Angliae et Hiberniae Regnante Elizabetha*. – Здесь и далее, если не указано иное, *прим. ред.*

латыни в 1617 году и издававшийся двумя неравными частями в 1615 и 1625 годах, этот труд можно считать своего рода архивом, однако надежной опорой его не назовешь.

Так, например, хотя Кэмден и утверждает, что описывает историю беспристрастно, на основе архивных данных, стоит лишь сравнить приводимые им цитаты с их оригиналом, как выяснится, что он постоянно подправляет их для подтверждения собственных мыслей. С его легкой руки в историографии получили прописку известные легенды, полные почтительной ностальгии по ушедшей королеве. Желая уберечь Елизавету от возможной критики потомков, Кэмден сглаживает такие особенности ее характера, как тщеславие и эмоциональная неустойчивость. Легко заметить, насколько бегло он освещает вопросы, взрывоопасные в политическом отношении. В частности, вопрос о престолонаследии, а именно дело Марии Стюарт, королевы Шотландии, которую по воле Елизаветы казнили. Кэмдену, очевидно, очень не хотелось снискать немилость нового короля Англии, Якова I, сына Марии Стюарт, который при своей праздности отличался наблюдательностью. В то время, когда дописывались первые наброски «Анналов», Яков повелел перезахоронить мать в Вестминстерском аббатстве и возвести над могилой роскошное мраморное надгробие. Но с неменьшим тщанием историк бережет и память своего бывшего благодетеля, сэра Уильяма Сесила, верой и правдой (пусть и на свой манер) служившего Елизавете с тех пор, как ей исполнилось шест-

надцать лет⁴. Сесил, возведенный в 1561 году в звание барона Бёрли, а годом позже ставший лорд-казначеем Англии, был заклятым врагом Марии Стюарт, а потому и Кэмден не спешил приоткрывать завесу над *arcana imperii* (то есть государственными тайнами), по выражению древнеримского историка Тацита⁵.

Что еще хуже, взявшийся за перевод «Анналов» на английский инженер-артиллерист и математик Роберт Нортон, в год кончины Елизаветы едва достигший совершеннолетия, – ничтоже сумняшеся подверг текст множественным искажениям. Однако перевод этот снискал популярность у читателей, и в наши дни именно он наиболее известен. В период с 1630 по 1635 год, когда противники монархии впервые стали всерьез оспаривать право короля Карла I на верховную власть, Нортон делал многочисленные приписки во всех трех последовательно выходивших англоязычных изданиях Кэмдена, в работе над которыми он принимал участие. Переводчик почти не скрывает намерения воспользоваться

⁴ О том, чем Кэмден обязан Уильяму и Роберту Сесилам, см.: BL, Additional MS36294, fo. 24. О роли Бёрли в восхождении юной Елизаветы: J. Guy. *The Children of Henry VIII*. Oxford, 2013. P. 136–137.

⁵ Мнение, высказанное в книге, всецело принадлежит мне, но схожие мысли представлены и в других работах: C. Haigh. Introduction // *The Reign of Elizabeth I*, C. Haigh (ed.). London, 1984. P. 6–11. Подробнее о создании «Анналов» Кэмдена см.: P. Collinson. *One of Us? William Camden and the Making of History* // *TRHS*, 6th Series, 8. 1998. P. 151–163. О недостатках труда Кэмдена см.: P. Collinson. *William Camden and the Anti-Myth of Elizabeth: Setting the Mould?* // *The Myth of Elizabeth*. S. Doran, T. S. Freeman (ed.). London, 2003. P. 79–93.

личностью Елизаветы как дубиной, чтобы охаживать ею наследников Стюартов. Он присочиняет новые легенды, в основном о якобы имевших место случаях спонтанного излияния народной любви и преданности «доброй королеве Бесс»: верные подданные ее, читаешь, «всякий раз, как ни появлялась королева, стремились к ней, толпясь, дабы благословиться лицезрением славного лика ее»⁶.

Когда в 1837 году на престол вступает королева Виктория, оказывается, что елизаветинские биографы той эпохи апокрифический материал заучили твердо. В их работах королева предстает в слепяще лестном свете. Так, Елизавета якобы стремилась примирить разделенный религиозным расколом народ, что ознаменовалось принятием соответствующих законов в 1559 году, встреченных повсеместным одобрением (такую картину рисовали биографы-викторианцы). Огневлая, горячего нрава героиня, определившая судьбу Англии, она единолично предпринимала смелые шаги, на которые не отваживались ее советники. Правительница, при которой искусство Англии пережило небывалый расцвет, сама стала олицетворением культуры своей эпохи и предпочла прожить жизнь «королевы-девственницы», быть «обручницей своего царства» (как говаривали елизаветинские пропагандисты). Тем самым она презрела личное ради благополучия народа,

⁶ См. к примеру: *Annales, Or, The History of the Most Renowned and Victorious Princesse Elizabeth*. R. Norton (trans.). London, 1635. sig. b; P. Collinson. *Elizabeth I and the Verdicts of History* // HR, 76 (2003). P. 480.

который так любила.

Воззрения викторианцев без стеснения перенял уже в XX веке сэр Джон Нил. Он вполне сознательно ставил своей целью писать историю жизни Елизаветы так, чтобы она заслужила внимание публики. В результате в 1934 году выходит и становится классической работа «Королева Елизавета», оказавшая большое влияние на последующих исследователей. В англоговорящих странах она разошлась миллионными тиражами – ею зачитывалось не одно поколение. Изображенная Нилом Елизавета всемогуща, всевидяща, всемерно благородна. Общение с подданными давалось ей легко и непринужденно – автор как будто не замечает, что Елизавета, будучи правителем-женщиной, должна была столкнуться с рядом трудностей. Так и была явлена публике королева, которую мы знаем по «Коронационному портрету» из Национальной портретной галереи в Лондоне. Анализ по годичным кольцам показывает, что полотно начало создаваться уже после смерти королевы, есть данные, что и лицо списывали не с нее, но эти неудобные соображения с легкостью игнорируются исследователями, готовыми тиражировать старые легенды.

Схожее прочтение истории навязывают нам и многочисленные кинематографические оды Елизавете, например «Пламя над островом» (Fire Over England; 1937) с Флорой Робсон в главной роли или сериал 1970-х годов «Елизавета: Королева английская» (Elizabeth R; 1971), в котором глав-

ную роль исполнила Гленда Джексон. Там в мирные годы правительница смогла уберечь свой народ от Религиозных войн, опустошивших целые регионы Франции, а после и Нидерландов. Когда же война дошла наконец и до английских берегов, Елизавета преобразилась в королеву-воительницу: она одержала верх над своей кузиной, католичкой Марией Стюарт⁷, королем Испании Филиппом II и папой римским, взяв под контроль и поведя в бой войска, Англиканскую церковь и самое себя. Храбрые, патриотично настроенные мореплаватели сэр Фрэнсис Дрейк и сэр Уолтер Рэли и мечтать не могли бы о превращении родины в империю с заморскими владениями, если бы не Елизавета, первый в истории Англии воистину мудрый и дальновидный правитель.

Против такого идеалистического благодушия еще в 1860-х годах восставал Джеймс Энтони Фруд. В своем труде, оставленном Нилом впоследствии без внимания, Фруд – би-чеватель романтической сентиментальности – решил расставить все точки над «i». Он осмелился утверждать, что Елизавета практически с момента восшествия на престол была для страны скорее обузой. Тщеславная, не умеющая держать себя в руках, она отличалась дурным нравом, недальновидностью, нерешительностью. С главными своими советника-

⁷ Строго говоря, они не были двоюродными сестрами, хотя и называли в письмах друг друга кузинами. Мария Стюарт – правнучка Генриха VII, деда Елизаветы, то есть *cousin once removed* королевы Англии. – *Прим. автора.*

ми-мужчинами она взяла за правило постоянно спорить, а отказавшись выходить замуж и заводить детей для продолжения династии или иным образом назначить наследника, повела себя эгоистично и безответственно, поскольку этим поставила под угрозу и будущее страны, и начатый отцом процесс религиозной Реформации. В изложении Фруда Елизавета была хороша только тем, что при ней серым кардиналом служил Бёрли, ее первый министр. Только у Бёрли хватало мужества беречь королеву от самой себя. Лавры хранителя отечества должны принадлежать ему, а также его более молодому коллеге Фрэнсису Уолсингему, человеку с неизменным пером в руке, известному своей черной шапочкой, белым воротником и одержимостью в вопросах национальной безопасности.

Этот критический портрет Елизаветы исполнен блестяще и подкреплён фактами, однако и он неточен. Фруд одним из первых взял на вооружение исследовательские методы, которым и сейчас следуют лучшие его коллеги. Он провел не один год в пыльных архивах Симанкаса, Парижа и Лондона, где в ходе изучения неопубликованных государственных документов ему скоро стало ясно, сколь мало согласия в начале правления Елизаветы было между ней и ее советниками, убежденными в превосходстве своего понимания вещей. Фруд, по сути, не оставляет от репутации Елизаветы камня на камне, но при этом оказывается, что он чрезмерно упрощает реальную картину. Нельзя, однако, отрицать, на-

сколько верно удалось ему показать огромный разрыв между устаревшими представлениями Елизаветы о монархии и религии, которые она категорически не стремилась менять, и более радикальными воззрениями ее советников-протестантов.

Как и большинство исследователей, Фруд описывает только начало правления Елизаветы – мирное время. О забытых биографами военных годах сказать ему почти нечего. Вначале он заявляет о своей непоколебимой решимости коснуться и их на страницах своего труда. За этим обещанием, однако, последовала более чем десятилетняя работа в архивах над огромным сводом документов, не только плохо каталогизированных, но порой и труднодоступных для прочтения – бóльшую их часть с момента помещения в архив никто не трогал. В конце концов Фруд совершенно утрачивает силы и веру в себя, и последние годы правления Елизаветы в его двенадцатитомном энциклопедическом труде, посвященном династии Тюдор, попросту не рассматриваются: история кончается 1588 годом – нашествием Непобедимой армады. Результатом этого решения по сей день является следующий факт: мало кто знает, что против Елизаветы Филипп II и его сын снарядили не одну флотилию, а целых пять.

Честь восполнить пробелы выпала главе Блумсберийского кружка Литтону Стрейчи, чья любовь к написанию биографий в популярном стиле позднее вдохновила Джона Нила. Приняв эстафету от своих предшественников, Стрейчи

в 1928 году выпускает книгу «Елизавета и Эссекс: трагическая история». Автор убеждает нас в том, что самые черные, самые загадочные страницы жизни Елизаветы связаны не с той опасностью, которую представляла для нее Мария Стюарт, и не с теми угрозами, что нависли над страной перед лицом агрессии католических держав Европы. Все затмила сумятица внутренних противоречий, пробужденных в Елизавете неумолимым процессом старения: «Чем более увядала ее красота, тем сильнее крепло в ней желание убедить окружающих в обратном». Королева не знала золотой середины, «ее одолевали одни лишь крайности: удивительный дух ее то казался тверже стали, то разлетался в клочья».

Эта биография писалась словно для большого экрана, и в этом смысле представляет собой настоящий шедевр, щедро приправленный фрейдизмом и остроумным юмором. Вместе с тем книга Стрейчи являет собой замечательный пример критики викторианских представлений, согласно которым незамужняя стареющая дама должна отрешиться от всего человеческого и не может нести бремя главнокомандующего в военное время. У Стрейчи, напротив, королева испытывает глубокие переживания сексуального характера. Фрустрированная, престарелая девственница, Елизавета сколь отчаянно, столь и безнадежно тщится жить вечно, для чего носит толстый слой белил, с каждым годом все более изобличающих тщетность ее стараний. Тогда, по мнению автора, и разыгрывается трагедия: государыня очаровывается моло-

дым красавцем Робертом Деверё, вторым графом Эссексом. Стрейчи втайне лелеял надежду ступить на стезю романистики, чего ему пока не удавалось, и потому в книге мы читаем о «муке, словно призрак преследовавшей» королеву в последние годы жизни. Когда дело доходит до заигрываний правительницы с молодым возлюбленным, автор не сдерживает фантазии: «от его лести сердце королевы таяло, а стоило ей коснуться своими длинными пальцами его шеи, как все ее естество будоражило желание плоти, описать которое она была бы не в силах»⁸.

Получив похвалы критиков за произведения «Выдающиеся викторианцы» 1918 года и «Королева Виктория» 1921 года, Стрейчи снискал репутацию биографа, не грешащего излишним пиететом перед особами королевского дома или другими громкими именами. Но, как писала в своем классическом эссе «Искусство биографии» (1938) Вирджиния Вулф, в «Елизавете и Эссексе» торжествует драма, однако в проигрыше оказывается история. Наконец-то, едко замечает Вулф, жанр биографии нашел человека, способного в полной мере раскрыть его потенциал. Однако в то время как в «Королеве Виктории» каждая цитата была выверена, каждый факт верифицирован и даже представлены новые, неизвестные ранее обстоятельства, – в «Елизавете и Эссексе» сведения либо расплывчаты, либо неверны, а порой и вовсе выдуманы автором, отчего художественный вымысел всякий

⁸ L. Strachey. Elizabeth and Essex. London, 1928; repr. 1971. P. 22–24.

раз оказывается отрешен от исторической истины⁹.

Эхо творческих усилий Стрейчи докатилось и до 1953 года, когда по случаю коронации Елизаветы II в Королевском театре в Ковент-Гардене решили поставить «Глориану» Бенджамина Бриттена, либретто которой основано на романе «Елизавета и Эссекс». Придворных опера возмутила, а молодой королеве, почтившей своим присутствием ее всемирную премьеру, было, как утверждают, просто скучно. И все же, несмотря на все недостатки, Стрейчи всегда отличал важное от малозначительного. Он ясно отметил то, что упустил Кэмден и почти четыре столетия не замечали его последователи, а именно тот факт, что «правление Елизаветы делится на два этапа». Спустя четверть века «калейдоскоп сменяется, с крушением Непобедимой армады в прошлое уходят старые обычаи и герои»¹⁰.

Я ставил своей целью пойти по пути, намеченному Стрейчи, и пролить свет на последние годы правления Елизаветы. Как и в случае написанной мной в 2004 году биографии Марии Стюарт, выбор предмета исследования здесь тесно связан с методом. Я решил рассказать эту удивительную историю на основе подлинных, писанных рукой Елизаветы писем и архивных документов, а не повторяя известные анекдоты

⁹ V. Woolf. The Art of Biography // Selected Essays. D. Bradshaw (ed.). Oxford, 2008. P. 116–123.

¹⁰ Strachey. Elizabeth and Essex. P. 11.

из ненадежных источников или из зачитанных до дыр печатных отрывков, приложенных к десятку увесистых томов «Описи государственных бумаг». В этих отрывках упущено множество важных сведений. Кажется, что и составлялись они не столько для того, чтобы развеять исторические мифы, сколько чтобы лишь сильнее укрепить их¹¹. Я же обращался лишь к оригинальным письмам Елизаветы и ее советников, взятым без купюр, отделяя места, в которых реплики королевы приведены дословно, от тех, что были сочинены или вставлены позднее. Так я продирался через пелену легенд и передергиваний, стремясь услышать «истинный» голос Елизаветы. Там, где это удалось, из тени выступает наконец подлинная Елизавета, которая столь часто остается сокрытой от нашего взора.

Литтон Стрейчи работал с небольшой, случайной подборкой печатных документов – он весьма пространно жаловался Вирджинии Вулф и другим знакомым на то, как мало дошло до нас оригинальных источников, датированных 1590-ми годами. Как удивился бы он, если бы узнал, что подобные документы пережили наводнения, пожары, нашествия голодных грызунов и сохранились в количестве, вызывающем благоговейный ужас. Жаль, что этот факт столь малоизвестен. Еще Фруд обнаружил, что после 1580 года число рукописных государственных бумаг резко возрастает, одна-

¹¹ Более раннюю попытку встать на защиту этой позиции см.: J. E. Neale. *The Sayings of Queen Elizabeth // History*, 10 (1925). P. 212–233.

ко по периоду после нашествия Непобедимой армады была опубликована только малая часть материалов из собрания, известного ныне как Национальный архив. По периоду после 1596 года не опубликовано почти ничего, не считая отдельных писем из английской, шотландской и ирландской корреспонденции¹². Практически не затронут исследованиями корпус рукописных официальных документов, касающихся отношений Англии с державами Европы и Средиземноморья. В целом исследователям доступна четверть миллиона рукописей, не считая крупных пергаментных свитков, в основном Палатные отчеты, которые мне удалось сфотографировать весной 2013 года (Палатные отчеты – единственный исторически непрерывный источник, который позволяет в полной мере восстановить ежедневные дела королевы и ее главных советников)¹³.

¹² Опись содержит лишь внутренние государственные бумаги последних лет правления. Внешнеполитические документы после июля 1589 года в опись не заносились, и по этой причине обо всем, что происходило до декабря 1596 года, мы имеем обрывочное представление. С этого момента в напечатанном виде нет бумаг до 1603 года, а значит, необходимые документы приходилось искать методом проб и ошибок. Значительная часть переписки Бёрли и Роберта Сесила, хранящейся ныне в усадьбе Хэтфилд-хаус, собрана в HMC, Hatfield MSS, III–XIV, отдельные документы напечатаны Мердином (Murdin). Однако большая доля важнейших бумаг в четырех крупнейших собраниях (BL, Cotton, Lansdowne, Harleian and Additional collections) до сих пор не напечатана и даже не описана.

¹³ E351/542–3. См. также BL, Harleian MSS1641–2. Документы содержат больше информации, чем представлено в Chambers, IV. P. 77–116, где говорится преимущественно о театрализованных представлениях и увеселениях. План и сопутствующие данные см. в: M. H. Cole, *The Portable Queen: Elizabeth I and the*

Солидная часть источников, использованных в этой книге, не была в нужной мере изучена и проанализирована, а то и просто надлежащим образом каталогизирована с момента, как в 1850–1860-е годы начали составляться не самые лучшие по нынешним меркам архивы. Здесь мы находим около 30 неопубликованных писем Елизаветы, а также черновики многих других ее посланий, которые впервые проливают свет на ее рабочие методы, а нередко и на сокровенные суждения. Не лучше изучены и программные документы, дающие представление о том, каким правителем была Елизавета в военное время. А между тем внимательный анализ действий Елизаветы в ходе нараставшего общеевропейского кризиса позволяет получить сетку координат, в которых только и возможно по-настоящему оценить ее качества как человека и как правителя.

Некоторые аспекты данной книги читателям Кэмдена, Фруда, Нила и Стрейчи покажутся до странности малозначимыми. За это приносить извинения не буду. Меньше всего мне хотелось и дальше тиражировать неточные или обрывочные сведения о Елизавете, содержащиеся в классических, хорошо известных работах за их авторством. Напротив, на этих страницах живет Елизавета, какую до сих пор мало кто видел. Нет, она не была неудержимым «танком», чьи приказы исполнялись неукоснительно на том лишь ос-

новании, что они отданы королевой. Но, вопреки воззрениям Фруда, решения Елизаветы нельзя считать и просто результатом блестяще разыгранного политического спектакля с куклой-чревовещательницей. Елизавета не была победоносной Глорианой, голливудской героиней, собственноручно спасшей страну от военной мощи Испании. Однако неверна и интерпретация Стрейчи, представившего королеву старой девой, сексуально фрустрированной и одержимой похотью, страстью, ревностью и тщеславием. Не была она и «любезным правителем», каким ее видел Нил: королевой, умевшей опьянять подданных своей царственной близостью и поражать их пылкостью духа.

Такие упрощенные описания, иногда прямо противоположные друг другу, превращают реального человека в пародию. Истина не так проста.

Введение

Королева-девственница

В 1533 году Генрих VIII развелся со своей первой супругой Екатериной Арагонской и, страстно желая любви и сыновей, взял в жены Анну Болейн, которой было суждено стать любовью всей его жизни. Перед Анной он буквально преклонялся, называя ее «ненаглядной» и «возлюбленной». Ей он писал до глубины души откровенные письма, ради нее принес в жертву своего ближайшего советника кардинала Томаса Уолси. Порвал отношения с папой римским и послал на постыдную казнь лорд-канцлера Томаса Мора и его близкого друга и соратника епископа Джона Фишера: оба посчитали, что король совершает нечто безнравственное и абсолютно недопустимое¹⁴. За это он ждал от Анны столь желанного законного наследника мужского пола. Она же родила Елизавету.

Генрих был так уверен, что у них с Анной будет мальчик, что успел подобрать имена – Эдуард и Генрих – и приказал загодя составить десятки писем для заморских правителей и знати, в которых бы возвещалось о «разрешении родов и яв-

¹⁴ Letters of the Kings of England. J. O. Halliwell (ed.). 2 vols.. London, 1848), I, P. 297–320; J. Guy. A Daughter's Love: Thomas and Margaret More. London, 2008. P. 219–264.

лении на свет принца». Когда же выяснилось, что младенец оказался девочкой, все письма пришлось наскоро переделывать. «Принца» надо было поменять на «принцессу», однако места на то, чтобы дописать слово целиком, не хватало¹⁵. Так, не успев появиться на свет, будущая королева Елизавета уже считалась второй.

Генрих никогда не скрывал своих взглядов на возможное появление женщины во главе государства¹⁶. Страстно надеясь передать все дела сыну, он все же предостерегал, что «ежели женщине выпадет доля править, то нельзя ей учинять сие долго без супруга, кой по Закону Божьему должен быть ей управителем и главою, а значит, повелевать и государством»¹⁷. Он был убежден, что управление страной – дело сугубо мужское, а уязвимая женщина на троне не сулит ничего хорошего. Так, например, он считал, что незамужняя женщина не может командовать армией. Признав в конце концов, что появление женщины на троне после него вполне вероятно, Генрих в мельчайших подробностях прописал регламент замужества потенциальной королевы¹⁸.

Генрих рассчитывал, что его единственный сын Эдуард, рожденный в 1537 году третьей женой короля Джейн Сей-

¹⁵ J. Guy. *The Children of Henry VIII*. Oxford, 2013. P. 76.

¹⁶ G. R. Elton. *Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell*. Cambridge, 1972. P. 176–177.

¹⁷ *Records of the Reformation: The Divorce, 1527–1533*. N. Pocock (ed.). 2 vols.. Oxford, 1870. II. P. 386.

¹⁸ M. Levine. *Tudor Dynastic Problems, 1460–1571*. London, 1973. P. 74.

мур, проживет долгую жизнь. На всякий случай в завещании он все же уточнил порядок наследования короны дочерьми Марией и Елизаветой. В случае если Эдуард умирает, не оставив наследника, каждая по очереди получает право на престол, но с тем условием, что данного права она может лишиться, если изберет в мужа человека, которого не одобряют определенные члены Тайного совета¹⁹. Если обе они умирают или из-за неудачного замужества лишаются права престолонаследия, корона переходит к представителям рода Саффолк – потомкам племянниц Генриха Фрэнсис и Элеанор Брэндон. Это были дочери любимой сестры монарха Марии, вдовы короля Франции Людовика XII, которая вторым браком вышла замуж за «брачного ветерана» Чарльза Брэндона, герцога Саффолка²⁰.

Эдуард рос крепким и здоровым, но в пятнадцать лет заболел корью, и его иммунная система не выдержала. 6 июля 1553 года юноша умирает от туберкулеза или, что более вероятно, судя по описанию симптомов, от простуды, перешедшей в бронхиальную пневмонию. Молодой король все свое время проводил в занятиях астрономией, также обожал стрельбу из лука, охоту и другие занятия, приличествующие юному воину. А вот к представительницам прекрасного пола он относился с недоверием и даже более отца радел о том,

¹⁹ Foedera, XV. P. 112–114.

²⁰ Foedera, XV. P. 110–117; The State of England AD1600 by Thomas Wilson. F. J. Fisher (ed.). Camden Society, 3rd Series, 52. 1936. P. 8–9.

чтобы ему наследовал мужчина. В свое время обе его сестры были официально признаны парламентом бастардессами – и Эдуард убедил (или позволил убедить) себя в том, что незаконное рождение лишает их права на престол²¹.

Когда юный король подыскивал себе возможного наследника, у него еще теплилась надежда, что у Фрэнсис Брэндон родится сын: ее старшей дочери Джейн Грей он завещал престол в самый последний момент. В июне 1553 года, понимая, что смерть близко, король отбросил в сторону сомнения и «вверил корону леди Джейн и ее наследникам мужского пола»; следом в очереди наследования шли его сестры и их наследники мужского пола и, наконец, старший сын их двоюродной сестры Маргарет Клиффорд, дочери Элеанор Брэндон²².

Но несмотря на старания Эдуарда узаконить положение Джейн Грей, она так и не была коронована. С того момента, как было объявлено о ее восшествии на престол, и до заключения ее в Тауэре она правила всего девять дней: старшая дочь Генриха VIII Мария Тюдор провела быстрый и успешный переворот и легко ее свергла. Завоевав престол в тридцать семь лет, Мария стала первой женщиной-правительницей в истории Англии. До нее ближе всех к царствованию была только дочь Генриха I Матильда, которой отец в 1135 году завещал корону. Однако накануне коронации против

²¹ E. W. Ives. *Lady Jane Grey: A Tudor Mystery*. Oxford, 2009. P. 137–168.

²² Inner Temple, London, Petyt MS538, vol. 47, fo. 317.

Матильды восстали жители Лондона, и ей пришлось бежать. Престол занял ее двоюродный брат Стефан Блуаский, что привело к затяжной, тяжелой гражданской войне.

Мария страстно желала свести на нет учиненный ее отцом разрыв с католической церковью. Будучи дочерью Екатерины Арагонской, она ощущала себя наполовину испанкой и быстро устроила собственный брак с Филиппом, сыном своего могущественного двоюродного брата императора Священной Римской империи Карла V. В Испании Филипп уже исполнял роль регента при страдающем от подагры отце, а вскоре был коронован как Филипп II, правитель Испании, Нидерландов, испанских владений Габсбургов в Италии и Нового Света. Избрав себе мужа в самом начале правления, Мария надеялась отвести от себя нападки тех, кто принципиально не согласился бы признать женщину на престоле. Но сделанный ею выбор возымел обратный эффект. По брачному соглашению Филиппу доставалась роль короля-консорта. Он не имел права покровительства, не мог принимать участие в разработке оборонной или внешней политики, производить назначения, тратить деньги короны. В реальности же все эти права он вскоре освоил на практике, хотя большую часть времени и проводил в Брюсселе²³.

Носивший имя «Филипп I, король Англии», супруг Марии Тюдор во всех отношениях являл собой ее соправите-

²³ G. Redworth. "Matters Impertinent to Women": Male and Female Monarchy under Philip and Mary, I, 112. 1997. P. 597–613.

ля. На парадных портретах он занимает более статусное положение – справа от королевы под парящей над их головами короной²⁴. Невзирая на матримониальные договоренности, Мария то и дело оставляла последнее слово за супругом, поскольку почитала это своим долгом. В мирные годы такое положение вещей всех в целом устраивало, однако Филипп втянул страну в непопулярную войну против Франции, которую вел с континента, а многократные беременности Марии, о которых широко и торжественно объявлялось, оказывались ложными. Авторитет королевы рухнул. В 1558 году она умирает от пролактиномы – доброкачественной опухоли гипофиза, вызывающей псевдобеременности, мигрени, депрессию и слепоту. Оплакивали ее лишь самые близкие сторонники.

Узнав, что час Марии пробил, Филипп отправил в Англию капитана испанской королевской гвардии графа Ферия, по совместительству посла монарха по особым поручениям. Стремясь защитить интересы Испании, Филипп повелел графу выяснить, что представляет собой Елизавета. Встреча посла и будущей королевы оказалась краткой, но прозорливому Ферия хватило времени заключить, что Елизавета «тщеславна и умна»:

Видимо, хорошо обучили ее тому, как вел дела ее

²⁴ J. M. Richards. Mary Tudor as “Sole Queen”? Gendering Tudor Monarchy // HJ, 40. 1997. P. 895–924.

отец, и боюсь, должного отношения к религии от нее ожидать не стоит, ибо, как мне кажется, она будет царствовать с помощью мужчин, которых мы почитаем еретиками, а женщины подле нее, как мне сообщали, уж точно таковыми являются... Она придает большое значение мнению своего народа и твердо убеждена, что англичане полностью ее поддерживают, – в чем она совершенно точно не ошибается. Она открыто заявляет, что именно народом поставлена занимать свое нынешнее положение. Она имеет твердое намерение, чтобы над нею не властвовал никто²⁵.

Елизавета с самого начала намеревалась показать, чего она стоит. Вот только легче сказать, чем сделать. Большой ошибкой было бы считать, что женщина в то время могла править на том лишь основании, что ее увенчали короной. Будучи первой незамужней королевой в истории страны, Елизавета быстро почувствовала, что оказалась на задворках мужского и женского миров. Часто ей приходилось бороться, чтобы заставить даже ближайших советников исполнить свою волю²⁶. В своем трактате 1559 года бывший наставник Джейн Грей Джон Элмер выступает в защиту женской монархии, утверждая, что женщина на троне приемле-

²⁵ The Count of Feria's Despatch to Philip II of 14 November 1558. M. J. Rodríguez-Salgado, S. Adams (ed.) // Camden Society, 4th Series, 29 (1984). P. 331.

²⁶ C. Jordan. Women's Rule in Sixteenth-Century British Political Thought // RQ, 40(1987). P. 421–451; P. Collinson. The Monarchical Republic of Queen Elizabeth I // Bulletin of the John Rylands Library of Manchester, 69 (1987). P. 394–424.

ма – но как раз потому, что принимать решения самостоятельно она *не будет*. В предисловии Элмер пишет, что правительницы женского пола «духом слабы, телом хрупки, в мужестве мягкосердны, в делах неловки и ужас во врага не вселяют». Помня о казусе Марии и Филиппа, он (или издатель) даже вставил в трактат лаконичное: «Женщина может быть наделена властью, но как жена она всегда будет в подчинении»²⁷.

Уклоняются от проблемы биографы, которые считают, что, получив королевский титул, Елизавета была произведена «в мужчины» или что институт монархии по природе своей соединяет в себе мужское и женское начала. В начале XVI века Англия представляла собой глубоко патриархальное общество, в котором женщины, даже королевской крови, воспринимались как зависимые от мужчин. Из современников Елизаветы никто, исключая горстку итальянских интеллектуалов вроде Торквато Тассо, не разделял того мнения, что высокий статус женщины может оказаться важнее ее пола. Глубоко укорененное в психологии человека того времени, подобное отношение наиболее ярко выразилось в том, что приказы Елизаветы либо игнорировались ее воена-

²⁷ «Не так опасна для Англии правительница, ибо править будет не она, но законы, вершавшие их судьи, ею назначенные, и другие служители... Не королева пишет законы, но почтенные члены парламента... Какую же беду способна принести она в одиночку?» J. Aylmer. *An harborowe for faithfull and trewe subiectes*. London, 1559. sigs. B2v, G3, H3v.

чальниками, либо трактовались ими весьма вольно²⁸. Никогда еще уязвимость женского правления не проявлялась так наглядно, как бы вторили они Генриху VIII, как в период иноземного нашествия, угрозы государственной безопасности или споров о престолонаследии. Здесь Елизавета не могла рассчитывать на поддержку даже своего первого министра Бёрли, раздражавшего ее своей ежедневной «мантрой»: «Да ниспошлет Господь владычице нашей супруга и сына от оно-го, дабы мы надеждою жили, что у потомков наших наследник мужеского полу будет»²⁹.

Но у Елизаветы было свое оружие – язык. Ни один правитель не имел столь ясного представления о связи слова и власти. С момента созыва своего первого парламента она отводила от себя все упреки, прибегая к риторической уловке: за меня мой народ. То же ощущение она внушила Фериа: «Народом поставлена занимать свое нынешнее положение» и «твердо убеждена, что все англичане полностью ее поддерживают». Уверенность Елизаветы в себе и ее умение подать себя на публике проистекало не из знакомства с обычным людом, на который у нее чаще всего не хватало времени и который она регулярно поминала всуе; то был плод ее занятий (еще с подросткового возраста) классическим оратор-

²⁸ P. E. J. Hammer. "Absolute and Sovereign Mistress of Her Grace"? Queen Elizabeth I and Her Favourite, 1581–1592 // *The World of the Favourite*. J. H. Elliott, L. W. B. Brockliss (ed.). London, 1999. P. 40.

²⁹ BL, Additional MS35830, fos. 158–159; Hardwicke State Papers, I. P. 174.

ским искусством, в которое ее посвящали гении пера, такие, например, как знаменитый писатель Роджер Аскем.

Но, несмотря на весь дар убеждения молодой королевы, даже родственники поначалу не верили в то, что Елизавета сможет править единолично. Николас Трокмортон, который приходился двоюродным братом Екатерине Парр, шестой, и последней, по счету супруге Генриха VIII, был знаком с ее в будущем венценосной падчерицей еще со времен отрочества последней. «Вам надлежит, – предупреждал он Елизавету около 1559 года, – остерегаться женского легкомыслия, ибо ежели монарх [sic] властвует без благоразумия да не твердою рукою, то сеют семена свои честолюбие и властолюбие»³⁰.

Советники Елизаветы старались хитрыми уловками и лестью убедить ее играть по их правилам, и из всех приближенных к королеве мужчин, стремившихся подчинить ее своей воле, не было мастера искуснее Уильяма Сесила, барона Бёрли, – даром что он неоднократно заявлял иностранным послам, что является всего-навсего «скромным слугой» королевы. В год ее коронации ему исполнилось тридцать восемь лет³¹. Это был человек низкого роста, жилистый, с худым лицом розоватого оттенка, серыми глазами и темно-русыми волосами; бороду и усы его уже тронула седина, а на правой

³⁰ Northamptonshire RO, Fitzwilliam of Milton MSS, Political MS102 (unfoliated).

³¹ Или тридцать семь лет (по одним данным он родился в 1520 г., по другим – в 1521 г.).

щеке виднелись три бородавки. Его отец состоял одним из пажей при гардеробной Генриха VIII и стал счастливым обладателем некогда монастырских земель, где и основал семейное гнездо неподалеку от города Стэмфорда в графстве Линкольншир. Бёрли окончил Кембриджский университет, где обзавелся некоторым числом высокообразованных протеже, которые, как и он, получили наставление в классических предметах и протестантском учении. В делах двора он имел возможность разобраться еще в правление Эдуарда, когда впервые стал членом Тайного совета, он предложил Елизавете свои услуги по ведению закулисных переговоров возможной наследницы и управлению ее владениями. Когда же Елизавета взошла на трон, то назначила его своим главным секретарем. Уговорами Бёрли добился того, что политика религиозного примирения велась с протестантских позиций, чего в более поздние годы царствования Елизавета бы не допустила. Но тогда ей, малоопытной в государственных делах, было двадцать пять лет, чем и воспользовался ее ближайший советник, устроив в комиссию, ответственную за составление законодательных актов, своих людей³². В том же 1559 году ему снова удалось настоять на своем. Бёрли пригрозил, что уйдет в отставку, если королева не пошлет

³² BL, Cotton MS, Julius F. VI, fos. 167–169v; BL, Additional MS48035, fos. 141–146v; S. Alford. *Burghley: William Cecil at the Court of Elizabeth I*. London, 2008. P. 90–94; Guy. *Children of Henry VIII*. P. 179–183. О том, что такая комиссия существовала и собиралась, говорится у Саймона Адамса: Simon Adams. *Elizabeth I's Former Tutor Reports on the Parliament of 1559* // EHR, 128. 2013. P. 43–47.

корабли и войска против французов, оккупировавших порт Лит в Шотландии, и не окажет поддержку восставшим представителям знати, которые, вдохновленные идеологом кальвинизма Джоном Ноксом, вознамерились устроить в стране полномасштабную протестантскую революцию. У него хватило нахальства заявить Елизавете: «Служить Вашему Величеству и то делать, *чего сам бы я не дозволил*, надлежит признать служением бесплодным». В этой одной фразе вся суть его рабочих методов. И Елизавете ничего не оставалось, кроме как подавить самолюбие. Бёрли стал незаменим³³.

На следующий год первый министр королевы сурово отчитал Роберта Джонсона, секретаря Николаса Трокмортонa, за то, что тот в личной беседе с королевой поднял вопрос религии. «Лучше, по мнению его, я бы с Ее Королевским Величеством не обсуждал предметы столь сложные, для женского разумения чрезмерные»³⁴, – писал потом Джонсон. Хотя Елизавета с отрочества исповедовала протестантизм – что после воцарения Марии, решившей вернуть страну в католичество, сделало ее положение опасным, – Бёрли считал ее недостаточно ревностной протестанткой. Королева не испытывала никакой симпатии к папству и не признавала католическую доктрину, но равно не выносила и кальвинистов (которыми Бёрли втайне восхищался), полагавших, что католи-

³³ BL, Lansdowne MS102, fo. 1; BL, Lansdowne MS103, fo. 3; Alford. Burghley. P. 110–111.

³⁴ Hardwicke State Papers, I. P. 167.

ков нельзя допускать на трон как идолопоклонников. Так же непреклонно она отстаивала и точку зрения, что представительные ассамблеи, например парламент, подобные вопросы решать не вправе³⁵.

Итак, на английском троне оказалась королева-протестантка. Однако, когда в октябре 1562 года она заболела острой, началась паника. Болезнь стала переломным моментом, напомнив подданным о том, что королева смертна. Елизавета выжила, но в следующем году, а после и в 1566 году Бёрли тайно управлял группой лоббистов в палате общин и за ее пределами, почти не скрывая намерения заставить королеву выйти замуж либо назвать наследника, лишь бы только корона досталась протестанту. Твердо намереваясь проконтролировать этот важный для него вопрос, первый министр Елизаветы пригрозил в случае отказа лишить ее причитающейся королеве доли налоговых поступлений, которая была ей необходима. Он даже начал разрабатывать план действий: парламенту надлежало ввести законодательное условие, согласно которому в случае смерти Елизаветы наследником мог быть избран только протестант, какое бы высокое положение ни занимали претенденты-католики³⁶.

³⁵ S. Doran. Elizabeth I s Religion // JEH, 51. 2000. P. 711–712; R. Bowers. The Chapel Royal, the First Edwardian Prayer Book and Elizabeth s Settlement of Religion, 1559 // HJ, 43 (2000). P. 320–321; P. Collinson. Elizabethan Essays. London, 1994. P. 87–118; Guy. Children of Henry VIII. P. 134, 137–138, 152, 161, 167, 174, 179–185.

³⁶ S. Alford. The Early Elizabethan Polity: William Cecil and the British Succession

Подобное превышение полномочий привело королеву в ярость. В ответ она пишет речь, которую собирается произнести на заключительной сессии парламента в 1566 году. В речи содержались слова о «подданных-склочниках», которые пытались на нее давить. Однако перед выступлением Елизавета смалодушничала и повелела сэру Николасу Бэкону, свояку Бёрли, зачитать речь от ее лица. При этом «склочников» королева вычеркнула, как это совершенно ясно из ее последней рукописной редакции³⁷.

Психологические трудности, с которыми столкнулась Елизавета как правитель, станут заметнее, если представить обстановку ее двора. Личные королевские покои значительно расширились усилиями как Генриха VII, так и Генриха VIII. Хотя аудиенции и официальные обеды и проводились в приемном зале, Генрих VII устроил в главных своих резиденциях несколько отдельных комнат, в совокупности называемых внутренними покоем. Здесь располагалось его личное пространство, в котором он чувствовал себя более защищенным. Генрих VIII значительно расширил эту часть дворца в рамках масштабной строительной программы, деньги на которую поступили от конфискации монастырских земель.

Crisis, 1558–1569. Cambridge, 1998. P. 97–119, 142–157, 225–232; M. Taviner. Robert Beale and the Elizabethan Polity. University of St Andrews Ph. D., 2000. P. 56–60; Alford. Burghley. P. 124–138.

³⁷ BL, Cotton MS, Cotton Charter IV, 38 (2); CP 138/163; HMC, Hatfield MSS, XIII. P. 214–215.

Получившийся в результате лабиринт комнат и анфилад был заполнен шедеврами изобразительного искусства³⁸. Супруги же обоих монархов жили совершенно в отдельных, автономных «половинах» королевских дворцов со своим собственным штатом слуг.

Годы неуклонно брали свое, и со временем Генрих VIII перебрался из внутренних покоев в еще более уединенную внутреннюю опочивальню, называемую также «тайной обителью»³⁹. Здесь он обедал вопреки сложившейся традиции, предписывавшей монарху принимать пищу в официальной обстановке, а также надиктовывал и подписывал письма. Отсюда монарх внимательно следил за событиями внутри страны и на международной арене – даже во время болезни, в конечном итоге приведшей его к смерти. Политический курс определялся по итогам тщательных расспросов, которые Генрих учинял своим советникам. Если речь заходила о вопросах религии или международных отношений, интересовавших его более других, он лично прочитывал все документы и только после этого принимал решение⁴⁰.

³⁸ Описание покоев Хэмптон-корта см. в: The Diary of Baron Waldstein. G. W. Groos (ed.). London, 1981. P. 151; Paul Hentzner's Travels in England during the Reign of Queen Elizabeth. H. Walpole (ed.). London, 1797. P. 56–58; G. von Bülow, W. Powell. Diary of the Journey of Philip Julius, Duke of Stettin-Pomerania, through England in the Year 1602 // TRHS, New Series, 6 (1982). P. 55.

³⁹ S. Thurley. The Royal Palaces of Tudor England. London, 1993. P. 135–143; S. Thurley. Whitehall Palace. London, 1999. P. 37–64.

⁴⁰ A. Johnson. William Paget and the Late-Henrician Polity, 1543–1547. University

Когда вскоре после кончины Марии Тюдор в Уайтхолл-ский дворец переехала Елизавета, ей достался в наследство почти что лабиринт из анфилад и смежных комнат⁴¹. За большим залом, где днем или – в дни фестивалей – вечером устраивались театрализованные представления и другие увеселительные мероприятия, следовал приемный зал для официальных церемоний; за ним располагались внутренние покои, которые украшал хрустальный фонтан и потрясающие фрески работы Ганса Гольбейна-младшего, а за ними находились внешняя и внутренняя опочивальни⁴². Внутрь можно было попасть лишь минуя стражей и привратников, а общее управление осуществлялось начальником стражи, лорд-камергером и двумя обер-камергерами внутренних покоев. На первый взгляд с приездом Елизаветы мало что поменялось, если не считать того, что, когда королева не принимала гостей, внутренние покои и опочивальня являли собой пространство преимущественно женское, а во внутреннюю опочивальню мужчин не пускали вообще.

Три или четыре старшие фрейлины служили в опочивальне королевы и еще шесть или семь – во внутренних покоях. У них в подчинении находились еще три или четыре фрейлины внутренних покоев – молодые женщины в возрасте 20–

of St Andrews Ph. D., 2003. P. 36–41.

⁴¹ The English Court: From the Wars of the Roses to the Civil War. D. Starkey (ed.). London, 1987. P. 71–118.

⁴² J. H. Astington. English Court Theatre, 1558–1642. Cambridge, 1999. P. 96–110, 161–169.

30 лет. Кроме того, было также шесть фрейлин опочивальни – девушки-подростки, работавшие под началом «матери фрейлин», которая отвечала за их содержание и дисциплину. Все эти особы лично отбирались королевой и исполняли обязанности в строгом соответствии с письменными указаниями, называемыми «Правилами»⁴³.

В начале правления Елизавета выслушивала просителей и проводила официальные приемы советников и послов во внутренних покоях, где она большую часть времени посвящала чтению и игре на вёрджинеле, в чем, как известно, добилась немалых успехов. Также королева очень любила карточные игры, особенно primego: игрокам из колоды в сорок карт раздавалось по четыре, и исходя из полученных карт делались ставки. Когда в 1563 году французский посол Поль де Фуа прибыл к Елизавете на аудиенцию, он застал королеву глубоко погруженной в игру в шахматы⁴⁴. Иногда государыня занимала себя танцами или слушала музыку в исполнении ее любимых музыкантов, более двадцати из которых проис-

⁴³ LC2/4/3, fos. 53v-63; LC2/4/4, fos. 45–47; BL, Lansdowne MS3, fo. 191; BL, Lansdowne MS29, fo. 161; BL, Lansdowne MS34, fo. 76; BL, Lansdowne MS59, fo. 43; The English Court. Starkey (ed.). P. 147–172; C. Merton. The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553–1603. University of Cambridge Ph. D., 1992; J. Arnold. Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd. Leeds, 1988. P. 99–104; A. Whitelock, Elizabeth's Bedfellows: An Intimate History of the Queen's Court. London, 2013. P. 17–29.

⁴⁴ Relations Politiques de la France et de l'Espagne avec l'Écosse au XVIe siècle. A. Teulet (ed.). 5 vols.. Paris, 1862. II. P. 203.

ходили из Италии, в том числе двое женщин-лютнисток⁴⁵. Долгие летние вечера она проводила за книгой или разговорами, наслаждаясь марципаном, засахаренными фруктами и гипокрасом (подслащенным пряным вином). Марципан был ее любимым лакомством: на Новый, 1562 год ей подарили модель старого собора Святого Павла и шахматную доску в полный размер, сделанные из «мартовского хлеба», то есть марципана⁴⁶.

Когда королеве становилось скучно, перед ней выступала с импровизированными представлениями труппа смуглых итальянских актеров – знакомых ее музыкантов. Однажды она дозволила потешить себя женщинами-акробаткам, но действие было расценено ею как «непристойное, бесстыдное, противоестественное кувырканье итальянок»⁴⁷. Порой

⁴⁵ Списки королевских музыкантов и размер их гонораров, а также цены на билеты см. в: E351/541–3, *passim*. Рассказ самой Елизаветы о любви к танцам и особенно итальянской манере танцевать приведен в: de Maisse, P. 95. См. также: SP 12/287, no. 64.

⁴⁶ Nichols, I. P. xxxvi—xxxvii, 118–119.

⁴⁷ Journey through England and Scotland made by Lupold von Wedel in the Years 1584 and 1585. G. von Bülow (ed.) // TRHS, 2nd Series, 9. 1895. P. 223–270; Diary of Baron Waldstein, P. 59, 147, 159–163; Thomas Platter's Travels in England, 1599. C. Williams (ed.). London, 1937. P. 192–197, 200–202; Report on the Pepys Manuscripts Preserved at Magdalene College. Cambridge. E. K. Purnell (ed.). London, 1911. P. 190; E351/541 (entries from Mich. 1571–72); E351/542 (entries from Mich. 1591–1592, 1592–1593, 1593–1594, 1595–1596); E351/543 (entries from Mich. 1596–1597, 1597–1598); SP 12/287, no. 64; W. Nagel. Annalen der englischen Hofmusik: von der Zeit Heinrichs VIII, bis zum Tode Karls I. Leipzig, 1894. P. 29; Elizabeth I. G. Ziegler (ed.). Washington DC, 2003. P. 88.

ее забавляла женщина-шут. В начале правления эту роль исполняла лилипутка по имени Ипполита Татарская, которой Елизавета подарила оловянную куклу. Позднее ее сменила Томасина Парижская, по описаниям женщина-карлица, которой королева пожаловала несколько старых вещей из своего гардероба для последующей продажи. Самым необычным увеселителем Елизаветы следует признать мальчика-африканца, служившего при ней пажом. Она наряжала его в куртку из белой тафты, отделанную золотыми и серебряными полосками, тафтяной камзол с тонкими серебряными пуговицами, пару вязаных белых чулок и пару белоснежных туфель и демонстрировала гостям в качестве «любопытной безделушки»⁴⁸.

Таким образом, при Елизавете внутренние покои и опочивальня стали пространством преимущественно женским, отчего королева политически только проигрывала. В отличие от отца и деда она не могла быстро собрать у себя советников-мужчин и подробно расспросить их о делах государственной важности. Для этого необходимо было назначать официальную аудиенцию. Ее отец Генрих VIII жил и рабо-

⁴⁸ BL, Egerton MS, 2806, fo. 70; Arnold. *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock* d. P. 104–108; C. C. Stopes. *Elizabeth's Fools and Dwarfs* // *The Athenaeum*, no. 4477 (16 Aug., 1913). P. 160; Whitelock. *Elizabeth's Bedfellows*. P. 84–87; I. H. Habib. *Black Lives in the English Archives, 1500–1677: Imprints of the Invisible*. Aldershot, 2008. P. 72–73. Я убежден, что Томасина была чернокожей африканкой, как считает ряд ученых. Я благодарен Миранде Кауфман за то, что обратила мое внимание на увеличение численности чернокожих слуг во времена правления Тюдоров.

тал в мужской среде, и заслужившие доверие короля слуги могли в любое время дня, если он не спал, беспрепятственно попасть к нему во внутренние покои и опочивальню, а порой и в «тайную обитель». Для Елизаветы же было немислимо, чтобы мужчина, за исключением, быть может, ее личного врача, мог войти к ней в то время, когда фрейлины делали ей макияж или завивали парик, или же застать ее в ночной рубашке, ночном колпаке и вельветовых тапочках, в которых она могла провести целый день, если не нужно было выходить на улицу⁴⁹.

Бёрли принимался за дела в шесть утра. Он был готов явиться по первому зову королевы, но она не вставала так рано. Примечателен следующий ответ королевы, которой было на тот момент около сорока пяти лет, просителю, явившемуся к ней сперва в одиннадцать часов утра, а на следующий день после обеда (который в XVII веке устраивали немногим позднее полудня): «Как вам известно, по утрам я сплю»⁵⁰. Кроме того, у фрейлин на одевание королевы уходило более двух часов. Целый час требовался только, чтобы поправить накрахмаленный воротничок и закрепить оборку или нижнюю юбку вокруг края барабанного фартингейла. За спиной Елизаветы придворные-мужчины шутили: быст-

⁴⁹ Arnold. *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*. P. 139–141; Whitelock. *Elizabeth's Bedfellows*. P. 24–27.

⁵⁰ HMC, Bath MSS, IV. P. 186.

рее оснастить корабль, чем одеть королеву⁵¹.

Так как доступ на неформальные аудиенции был весьма ограничен, контролировать советников Елизавете было труднее, чем ее отцу⁵². С Бёрли она встречалась каждый день, иногда даже поздними вечерами – но каким образом она могла проверить, сообщил ли он ей все, что ей нужно знать? В конце концов, именно Уильям Сесил контролировал доступ к государственным бумагам, давал надлежащие инструкции английским послам, вел переговоры с иностранными дипломатическими миссиями, отслеживал корреспонденцию королевы и составлял королевские прокламации. С годами Елизавета начала замечать, что многие из ее советников действовали слишком уж «дружно», и пыталась искать независимые источники информации, когда подозревала, что ей врут; училась она и настраивать одних приближенных против других⁵³. Знаменателен следующий случай, произошедший в 1570 году. Бёрли уже выходил из покоев по

⁵¹ Arnold. *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock* d. P. 110.

⁵² Генрих III Французский поймет, что за уединенность приходится платить. В 1584 году, устав от постоянных просителей и посетителей, он, следуя примеру Елизаветы, организовал свой двор так, чтобы у него была возможность проводить больше времени наедине с собой, в кабинете. Однако именно в личных покоях он был убит. См.: CSPF, 1584–1585. P. 184–185; M. Chatenet. *La Cour de France au XVIe siècle*. Paris, 2002. P. 139–140, 147–154.

⁵³ N. Mears. *Queenship and Political Discourse in the Elizabethan Realms*. Cambridge, 2005. P. 40–66; N. Mears. *Politics in the Elizabethan Privy Chamber: Lady Mary Sidney and Kat Ashley // Women and Politics in Early Modern England, 1450–1700*. J. Daybell (ed.). Aldershot, 2004. P. 67–82.

окончании аудиенции, когда королева обратилась к сэру Томасу Хинеджу, сладкоречивому члену Тайного совета, явно давая понять, что желает услышать и его мнение. Впоследствии Бёрли разнес Хинеджа столь сурово, что тот сравнивал его слова со «сплохами молний». В свою защиту Хинедж заявил, что это королева обратилась к нему с вопросом. Разве мог он ей не ответить?⁵⁴ Елизавета, в свою очередь, была до крайности удовлетворена подобным разбирательством между двумя господами, ведь ей удалось поколебать уверенность Бёрли в его абсолютном влиянии на нее. По некоторым источникам, в отместку за подковерные интриги Бёрли, пытавшегося заставить ее выйти замуж и урегулировать порядок престолонаследования через парламент, королева иногда улыбалась Хинеджу.

Бюрократическая система, во главе которой встала Елизавета, не благоприятствовала правителю-женщине. В 1540-х годах при Генрихе VIII Тайный совет состоял из 10–19 человек и славился слаженной работой. На этот орган король возложил ответственность за отправление основных административных функций, оставив себе решение ключевых государственных вопросов. Хотя Генрих и не любил делить ни с кем королевские полномочия, регулярные заседания совета он почти никогда не посещал, поручив главному секретарю докладывать ему о решениях Совета постфактум. Ни

⁵⁴ Haynes. P. 602.

один советник не посмел бы укрыть от короля информацию или сообщить ему ложные сведения. Как правитель-женщина Елизавета оказалась в затруднительном положении: если ее советники-мужчины не планировали в полной мере вовлекать королеву в рабочий процесс и держать ее в курсе дел, у нее самой не оставалось способа оперативно выяснить, какие шаги они вознамерились предпринять. Единственное, что можно было сделать, – это расспросить каждого по отдельности и сличить показания с тем, что ей сообщил Бёрли. С такой же проблемой столкнулась и Мария Тюдор, обнаружив в какой-то момент, что ее советники предпочитают докладывать обо всем ее супругу-консорту Филиппу II, хотя закон не допускал разночтений: королева и после замужества оставалась «первой и единственной государыней».

Елизаветинские советники собирались несколько раз в неделю в 9 часов утра. Центральной фигурой на заседаниях был Бёрли, а формат и повестка определялись самими участниками. Если возникали вопросы особой важности, Елизавета могла потребовать их рассмотрения, но обычно во время ежедневной аудиенции Бёрли просто рапортовал королеве о ходе обсуждения. Когда речь шла о важных проблемах, он составлял заметки, перечисляя аргументы за и против того или иного решения⁵⁵. Порой он вручал Елизавете официальный документ, называемый «предварительным консенсусом», в котором приводилась согласованная позиция членов

⁵⁵ Например, SP 52/10, nos. 62–63.

Совета⁵⁶. В иных случаях он пересказывал содержание заседаний по памяти. Секретари Тайного совета вели протоколы, но делалось это поверхностно – в основном мы находим отметки о присутствии тех или иных членов; большая часть административной работы Совета велась посредством писем. Полный отчет о содержании обсуждений и результатах заседаний сохранялся исключительно в памяти присутствующих. Нередко решение принималось, а королеву просто ставили перед фактом.

Елизавета даже не каждое свое письмо писала своей рукой, хотя большинство биографов с пользой для собственной концепции исходят из обратного. Собственноручно Елизавета обычно составляла важные депеши иностранным принцам, а также послания с соболезнованиями верным слугам, перенесшим тяжелую утрату. Как сообщает любимый крестник королевы Джон Харингтон, однажды она умудрилась одновременно писать от руки одно письмо, надиктовывать другое и поддерживать разговор⁵⁷. И все же стоит отыскать черновики, как снова и снова оказывается, что письма Елизаветы и ее указания английским послам в иностранных державах на самом деле сочинялись Бёрли или иными советниками, а королеве передавались только на подпись⁵⁸.

⁵⁶ Например, SP 12/17, no. 1; Hardwicke State Papers, I. P. 180–186.

⁵⁷ Harington, II. P. 316–317.

⁵⁸ Например, SP 52/8, nos. 70 (Burghley's draft); BL, Cotton MS, Caligula B. X,

Наглядно этот процесс описал в 1567 году посол Испании в Лондоне Диего Гусман де Сильва, который наблюдал королеву за работой в ожидании аудиенции. Он сообщает о письме, которое требовалось послать королевскому представителю в Шотландии. «Я видел письмо, – подчеркивает Гусман, – хотя прочесть его не мог». Один из тайных советников Елизаветы, давний фаворит и королевский конюший Роберт Дадли, граф Лестер надиктовал послание секретарю на глазах пораженного Гусмана, «а после в моем присутствии взял его и понес на подпись королеве»⁵⁹.

О многом говорит записка, поданная Бёрли в 1565 году Мэттью Паркеру, первому в правление Елизаветы архиепископу Кентерберийскому, в которой главный королевский советник раздраженно сообщает, что королева, возможно, пожелает внести такую правку в письмо, какой «он дозволить не может». Здесь Сесил практически повторяет слова, сказанные им ранее, когда он угрожал Елизавете уходом в отставку, снова демонстрируя, что власть целиком сосредоточена в его руках⁶⁰. Точно известно только об одном случае, когда в начале своего правления в подобной ситуации Елизавета проявила настойчивость и не позволила вечно сую-

fos. 261–262v (final version as sent); SP 52/12, no. 20 (Burghley's draft); SP 52/12, no. 19 (final version as sent).

⁵⁹ CSPSp, 2nd Series, 1558–1567. P. 669.

⁶⁰ Correspondence of Matthew Parker, DD. J. Bruce, T. Thomason Perowne (ed.). Cambridge, 1853. P. 223. Благодарю Стивена Олфорда за указание на этот источник.

щим всюду свой нос приближенным навязать ей свою волю. В 1566 году она лично написала письмо вновь назначенному лорд-депутату Ирландии, которого тот очень ждал и факт получения которого ему было приказано скрывать:

Грамота эта да будет хранима одним Вулканом, а у вас она да пребудет лишь на время, необходимое для прочтения, и ни единой Божьей твари ни слова о ней сказать не позволяю. Такое мое вам указание, как я на то право имею. От меня вы только такие письма получали, что были писаны моими секретарями⁶¹.

Установить авторство каждого из 15 000 дошедших до нас писем и приказов, посланных от имени королевы в течение сорока четырех лет ее правления, – дело долгого и кропотливого труда. По примерным оценкам, собственноручно Елизаветой написано или надиктовано не более 2400 документов⁶². Королева просто физически не могла бы уследить за всем количеством бумаг, циркулировавших при ее дворе, и в первые двадцать лет правления наиболее секретные и важные письма определенным лицам и послам составлялись со-

⁶¹ Collins, I. P. 7–8; HMC, De L Isle and Dudley MSS, II. P. 2.

⁶² Я опирался на письма, сохранившиеся только в черновиках или в копиях, однако с официальной подписью «написано ее собственной рукой» на обороте (см., например, SP 78/36, fos. 8–9v; SP 52/51, no. 75). У Р. Аллинсона в общей сложности 3000 писем, написанных королевой, однако это вместе с теми, что подписаны просто ее инициалами E. R.; не все из них могли быть продиктованы ею лично. См.: R. Allinson. A Monarchy of Letters: Royal Correspondence and English Diplomacy in the Reign of Elizabeth I. New York, 2012. P. xii.

ветниками Елизаветы во главе с Бёрли лишь на основании ее устных указаний. Порой высшие сановники использовали столь слабый контроль над своими действиями в корыстных целях. Несколько раз в течение 1560-х годов имели место весьма вопиющие случаи – обычно дело касалось Марии Стюарт, – когда указания послам отправлялись после длительных споров между Елизаветой и Бёрли, причем последний чаще одерживал в них верх⁶³. Аналогичным образом сами послы посылали сокращенную и вычищенную версию отчета королеве, а более полную – ее первому министру.

Конечно, столь непрозрачная система управления поддерживалась не только неопытностью молодой королевы и огромным документооборотом. Слабость контроля над аппаратом играла на руку не одному Бёрли со товарищи, но и самой Елизавете, поскольку давала ей возможность снимать с себя ответственность за собственные решения. В 1570 году, спустя два года после того, как она без тени стыда повелела под прикрытием шторма, бушевавшего в Ла-Манше, захватить генуэзский парусник, перевозивший в Нидерланды 155 сундуков золота в качестве платы войскам Филиппа II, она пишет четвертой супруге Филиппа Анне Австрийской⁶⁴: «Пусть недавнее прошлое было ознаменовано раздо-

⁶³ Например, SP 52/8, nos. 53–5 (drafts with amendments); BL, Cotton MS, Caligula B. X, fos. 218–219 (final version as sent). Известен случай, когда Елизавета и Бёрли дали сэру Николасу Трокмортону противоречившие друг другу инструкции. См.: SP 52/13, nos. 81, 83; SP 52/14, no. 1.

⁶⁴ Анна Австрийская – дочь императора Священной Римской империи Макси-

ром меж нами и королем Испании», случилось это по вине «иных злонамеренных чинов»⁶⁵. Так королева исполнилась намерения переложить на других вину за ухудшение англо-испанских отношений.

Елизавете было немногим больше двадцати, когда она поняла, что свое участие в политических делах, последствия которых потенциально взрывоопасны, следует скрывать. Именно в этот период жизни будущая королева оказалась в центре сразу двух заговоров против ее венценосной сестры-католички Марии Тюдор, самым крупным из которых было, конечно, восстание сэра Томаса Уайетта 1554 года. На следующий день после того, как зачинщика обвинили в государственной измене, к Елизавете явилась целая делегация советников Марии с намерением арестовать девушку и предъявить ей обвинение в соучастии в мятеже⁶⁶. Скановники поинтересовались, почему вдруг она засобиралась из Хартфордшира в принадлежавший ей замок Доннингтон в Беркшире, хранитель которого был одним из ближайших друзей Уайетта. Однако доказать, что Елизавета лично отдавала приказ о переезде или поддержала восстание, не удалось: общение между ней и Уайеттом велось через третьих лиц. Елизавете удалось переложить вину на подчиненных, среди которых был сэр Джон Харрингтон, отец ее крестника,

милиана II и Марии Испанской. – *Прим. автора.*

⁶⁵ Sotheby's sale of 15 July 1914, lot 403.

⁶⁶ CSPSp, 1st Series, 1554. P. 166–167.

которого также звали Джон: якобы они проявили неуместную ретивость от ее лица. Мария Тюдор тут же приказала заключить Харрингтона в Тауэр⁶⁷.

Урок этот Елизавета усвоила хорошо. До конца жизни любимыми ее латинскими цитатами оставались *Video et Taceo* («вижу и храню молчание») и *Semper Eadem* («всегда одна и та же»). Последнюю она избрала своим девизом⁶⁸. Искусство быть королевой для Елизаветы означало не то же самое, что искусство управлять государством. Ей предстояло научиться делать тонкие, едва заметные шаги, чтобы упрочить власть и уменьшить свою уязвимость.

Какой бы яркой ни была кампания по уничтожению Непобедимой армады, военные годы правления Елизаветы – это годы забытые. Обычно биографы либо обходят их вниманием, либо поверхностно пересказывают, объясняя ключевые решения королевы не с помощью архивных данных, а цитатами из «Анналов» Кэмдена. Это тот период, когда стареющая дева, занятая борьбой со временем и смертью, стремится защитить самые заветные свои идеалы. Об этом времени написано относительно мало, особенно в сравнении с мир-

⁶⁷ Guy. Children of Henry VIII. P. 154–161; The Count of Feria's Despatch. Rodríguez-Salgado and Adams (ed.). P. 342, n. 31.

⁶⁸ M. T. Crane. *Video et Taceo: Elizabeth I and the Rhetoric of Counsel* // Studies in English Literature, 28 (1988). P. 1–15; F. Teague. Elizabeth I: Queen of England // Women Writers of the Renaissance and Reformation. K. M. Wilson (ed.). Athens, GA, 1987. P. 522.

ными годами, когда в центре внимания находились религиозное примирение, династическая дуэль с Марией Стюарт и пикировки с советниками по поводу замужества⁶⁹.

Явным водоразделом между мирным и военным временем оказался 1584 год, когда в героической борьбе против католика Филиппа II Испанского был убит предводитель голландских кальвинистов Вильгельм Оранский. Отсюда берет свое начало противостояние, охватившее Атлантику и всю Европу и грозившее завершиться тяжелейшим поражением и лично Елизаветы, и всей Англии. Королева оказалась втянутой в идеологический военный конфликт с глобальной сверхдержавой, империей, которая обладала огромными ресурсами и простиралась на весь мир. До конца жизни она больше не застанет ни единого мирного дня: война продлится дольше, чем Первая и Вторая мировые войны вместе взятые. 1584-й – это еще и год, когда окружение Елизаветы наконец нехотя признает, что рожать ей уже поздно; нехотя, поскольку это означает принять и тот факт, что естественным путем наследник у нее уже не появится.

В мирные годы нетвердая опора под ногами королевы лишь сильнее расшатывалась неустанными усилиями парламентариев и советников, пытавшихся уговорить ее выйти за-

⁶⁹ Ключевые работы: The Reign of Elizabeth I: Court and Culture in the Last Decade. J. Guy (ed.). Cambridge, 1995; P. Hammer. Elizabeth's Wars. London, 2003; Doubtful and Dangerous: The Question of Succession in Late-Elizabethan England.. S. Doran, P. Kewes (ed.). Manchester, 2014; A. Gajda. Political Culture in the 1590s: The "Second Reign" of Elizabeth I // History Compass, 8 (2010). P. 88–100.

муж. Напротив, потеря способности к деторождению развязала Елизавете руки, поскольку никто более не оспаривал ее единоличное право сочетать мужскую и женскую монархическую роли: выдавать государыню замуж, если она более не может произвести на свет ребенка, стало бессмысленно. И хотя данное обстоятельство являло собой неприятное напоминание об уходящем времени, возможности Елизаветы расширились. Перед лицом жесточайшего – со времен разрыва с римской церковью – национального кризиса Елизавета решила, что отныне будет не только царствовать, но и править. В столь непростой период ей надлежит отстаивать свои властные полномочия как никогда твердо и последовательно. Таково ее призвание, ее священный долг: меньшего, верила она, Бог от нее не ждет.

Елизавете не всегда сопутствовал успех: с неизбежностью должны были возникнуть непримиримые споры между монаршей особой, ее тайными советниками и армейскими и флотскими военачальниками по поводу долгосрочной стратегии, краткосрочной тактики и растущих издержек затянувшейся войны. Пресловутые отношения королевы с двумя последними фаворитами – харизматичным и бесстрашным, но непостоянным Робертом Деверё, графом Эссексом, и безрассудным сэром Уолтером Рэли – не понять вне контекста их противостояния в вопросах военно-морской стратегии. Однако теперь сама Елизавета проявляла в делах гораздо больше инициативы, а советникам стало куда сложнее

возражать ей. В то же время ей пришлось смиряться с собственной смертностью: ее приятную внешность, ее волосы время не щадило. Неудивительно, что она пыталась подавать себя вечно юной девой, над которой время не властно.

Чтобы создалось впечатление, будто она еще не достигла менопаузы, Елизавета сперва позволила придворным придумать ей образ «королевы-девственницы», а после всячески культивировала его. Вопреки укоренившимся воззрениям викторианцев, основанным на неправильно прочитанном отрывке из «Анналов» Кэмдена, она не всегда поддерживала такое представление о себе. Эта идея промелькнула лишь однажды – летом 1578 года⁷⁰. В соответствии с обычаем ее отца раз в год – с мая по середину сентября – Елизавета в сопровождении некоторых слуг и придворных отправлялась отдохнуть в путешествие по сельскому югу Англии. В ходе долгой поездки по Восточной Англии королева остановилась в Норидже, где вечером по просьбе представителей города были устроены театрализованные представления, инсценировку для которых написал солдатский поэт Томас Чёрчьярд. Темой одного из представлений была вечная жизнь королевы, достигнутая непорочностью. Если Елизавета никого не возьмет в мужья, то может стяжать лавры «девственной королевы» и, сопротивляясь зову плоти, предупредить

⁷⁰ S. Doran. Juno versus Diana: The Treatment of Elizabeth's Marriage in Plays and Entertainments, 1561–1581 // HJ, 38 (1995). P. 257–274.

свое увядание⁷¹.

Поначалу эта концепция не повлекла за собой изменений в сложившемся образе королевы. Но, когда стало очевидно, что у нее менопауза, этот миф начал набирать популярность, и придворные художники и драматурги стали тиражировать его в промышленных масштабах. В 1590-х годах складывается целый культ Глорианы, озаменованный ежегодными помпезными празднествами и процессиями по случаю годовщины вступления королевы на престол. Вершиной его явилась череда известных полотен, напичканных символикой, на которых Елизавета изображена в сильно приукрашенном виде. Самая знаменитая картина этого цикла – «Портрет Елизаветы с радугой» – хранится в поместье Хэтфилд-хаус в Хартфордшире.

У этого последнего периода правления имелась и своя обратная сторона. Военные действия против католических держав Европы вылились в боевые столкновения на нескольких фронтах: в Нидерландах, на севере Франции, в Атлантике, а позже и в Ирландии. Между тем королева продолжала стареть. Ее дед Генрих VII умер в возрасте пятидесяти двух лет, отец в пятьдесят пять, сводный брат в пятнадцать, а сводная сестра в сорок два. Старели и ее советники, многие из них заболели и умерли, и на передний план вышло новое, менее щепетильное поколение придворных и чиновников. Когда

⁷¹ H. Hackett. *Virgin Mother, Maiden Queen*. London, 1995. P. 96–98, 119–123, 177–178, 186–191.

Елизавете перевалило за шестьдесят пять, парламентарии и советники сочли, что вопрос престолонаследия, который она все отказывалась надлежащим образом решить, откладывать более нельзя. Однако ревностно цеплявшаяся за корону государыня не поддавалась уговорам. Вопрос оставался открытым, и на фоне борьбы за власть и идеологических столкновений среди членов узкого монаршего круга установилась атмосфера взаимной подозрительности. Граница между верностью и предательством постепенно стиралась: придворные все чаще задумывались о том, что станет с ними после смерти королевы, и начинали потихоньку к ней готовиться.

Годы неуклонно брали свое: королева мучилась бессонницей и кошмарами, артритом, проблемами с пищеварением и тем, что она называла нахальством и неповиновением своих молодых и более привлекательных служанок. Внешнее противоречие между наружностью Елизаветы и ее царственным положением нивелировалось отчасти косметикой, отчасти манипуляциями общественным мнением. В душе же королева чувствовала, что с трудом удерживает власть, с трудом добивается исполнения своей воли. Ее придворные вели нескончаемую борьбу за место под солнцем, а осмелевшие подданные начали требовать подотчетности монархии парламенту.

Воистину наступали новые времена.

Охваченный страхом город

В среду 23 сентября 1584 года шериф Лондона сэр Джон Спенсер предвкушал скорое окончание срока службы. Новые шерифы – как в Лондон, так и в соседний Мидлсекс – были уже избраны и готовились принести присягу в ратуше в канун дня святого Михаила⁷². Один из богатейших людей города, напористый и бескомпромиссный купец, сколотивший завидное состояние на ввозе изюма, специй, оливкового масла, железа и вина, – при исполнении гражданского долга Спенсер чувствовал себя не так уверенно и уже не мог дожидаться дня, когда он снова сможет вернуться к торговым делам⁷³. В лиловом платье с золотой цепью – символом своей власти он в сопровождении констеблей отправился в дозор, который, как он надеялся, пройдет без происшествий и станет для него последним.

К вящему недовольству Спенсера, необходимость в подобных дозорах только росла. Прошел не один год с тех пор, как в августе 1572 года в течение двух недель начиная с дня святого Варфоломея в Париже и десятке других горо-

⁷² The Order of My Lord Mayor, the Aldermen and the Sheriffes. London, 1629. P. 7–8.

⁷³ I. W. Archer. ODNB, s. v. Sir John Spencer.

дов Франции было вырезано 30 000 гугенотов (как называли себя французские протестанты), а в Англию все еще поступали регулярные потоки беженцев, чаявших найти в Лондоне укрытие от религиозных преследований. Общины иммигрантов – главным образом из Франции и Фландрии, но также из Германии и Италии – росли и крепили, порождая недовольство среди местного населения. Особенно это касалось представителей швейного ремесла, поскольку приезжие мастера постоянно нарушали установленные гильдией правила. Так что мэру и олдерменам приходилось бороться с бродяжничеством, преступностью и черным рынком, а также контролировать постоянно прибывающих иммигрантов⁷⁴.

В последние годы наряду с уличными патрулями привычной частью городской жизни стали и другие меры безопасности; улицы расчищали от навоза, а в лавку хлебопека выстраивались длинные очереди. Повсюду царило напряжение и страх. Впервые о прямой угрозе заговорили в 1570 году после издания папой Пием V буллы об отлучении Елизаветы от церкви и необходимости отстранения ее от власти ввиду того, что она была дочерью Генриха VIII от второго брака, не признанного Ватиканом, и к тому же еретичкой, раскольницей и тираном. Прибитый к парадной двери дворца лондонского епископа в Фулеме всего через несколько недель по-

⁷⁴ S. Rappaport. *Worlds within Worlds: Structures of Life in Sixteenth-Century London*. Cambridge, 1989. P. 54–60.

сле того, как вспыхнувшее на севере страны восстание было жестоко подавлено, этот документ делал Елизавету законной мишенью для убийц из среды католиков. До папской буллы католиков, которые отказались подчиниться елизаветинскому Акту о единообразии, никто не трогал. Парламент установил штраф – шиллинг в неделю на нужды бедным – за непосещение службы в своей приходской церкви, однако де-факто он взимался редко. Но после издания папской буллы всякий, кто не являлся в храм, стал расцениваться как предатель, который, возможно, укрывает у себя дома католического священника или тайком устраивает мессы.

Так называемое Северное восстание показало всю хрупкость только оперившейся протестантской государственной власти. Около 6000 восставших, вооружившись крестами и хоругвями с изображением пяти ран Христа, начав шествие от Даремского собора, прошли через Северный Йоркшир до Уэтерби и Селби и взяли приступом замок Барнард. Мессы служили везде, где заблагорассудится. Восставшие называли себя защитниками державы и говорили, что хотят освободить королеву от «презревших закон макиавеллистов», а конкретно – от влияния Уильяма Сесила Бёрли, которого они называли «король Сесил», и его протестантских сторонников в Тайном совете и парламенте. На смену им восставшие намеревались поставить верных короне представителей старой доброй католической аристократии⁷⁵.

⁷⁵ Camden, P. 134–135; T. Norton. To the Quenes Maiesties Poore Deceived

Ошеломленная масштабом мятежа, Елизавета была безжалостна. Само восстание было подавлено малой кровью, однако за этим последовали жестокие репрессии. Королева не доверяла своим военачальникам, опасаясь, что те проявят неуместное милосердие, поэтому она решила искать верных себе людей в узком семейном кругу. Ее тетка Мэри Болейн была замужем за Уильямом Кэри, и именно их сыну Генри – первому кузену Елизаветы, которого она называла «мой Гарри» и которому после восхождения на трон пожаловала титул лорда Хансдона, – выпала честь стать королевским палачом⁷⁶. Хансдон повесил около шестисот человек, оставив их тела гнить на виселицах – «для устрашения». Примерно шестидесяти молодым мятежникам (преимущественно из зажиточных мелкопоместных дворян) удалось бежать в Шотландию, а оттуда в Париж и Рим. Там их ждали около восьми сотен ссыльных английских католиков и иезуитов, вместе с которыми они принялись обдумывать, как бы поскорее привести в исполнение папский указ.

Один из первых и наиболее опасных заговоров, воспоминания о котором были еще свежи в памяти лорда Спенсера,

Subjectes of the North Countrey. London, 1569. sig. A5v-6; A Treatise of Treasons against Q. Elizabeth and the Croune of England. London, 1571–1572, passim; C. Sharp. The Rising in the North: The 1569 Rebellion. Shotton, 1975. (new edn), passim; K. Kesselring. Rebellion and Disorder in The Elizabethan World. S. Doran, N. Jones (ed.). London, 2011. P. 381–383.

⁷⁶ ECW. P. 125–126; S. Doran. The Political Career of Thomas Radcliffe, 3rd Earl of Sussex, 1526?–1583. University of London Ph. D., 1977. P. 243–309.

патрулировавшего ночной Лондон в 1584 году, выдвинул человека, ставшего вскоре одним из главных соратников Бёрли в Тайном совете. Взятшему на себя раскрытие заговора Фрэнсису Уолсингему исполнилось на тот момент около сорока лет (он был на двенадцать лет моложе Бёрли). Его отличали высокий рост, худощавое телосложение, каштановые волосы и усы, «в глазах холодный блеск» (как у Кассия в шекспировском «Юлии Цезаре»). В 1570 году ярый новообращенный протестант был назначен королевой постоянным послом во Франции. Двумя годами ранее в письме к Бёрли Уолсингем изложил свои политические убеждения, в частности предупредив министра о «распространенном нынче зломыслии» и отметив, что «от излишних опасений хуже не будет, в то время как их недостаток чреват последствиями... ибо нет ничего опаснее безопасности», под чем он конечно же подразумевал отсутствие оной⁷⁷.

В 1570 году Уолсингем заподозрил «скользкого» флорентийского банкира Роберто Ридольфи в сговоре со ссыльными католиками, а также с враждебно настроенным доном Герау де Эспесом, преемником Диего Гусмана де Сильвы на посту испанского посла в Лондоне. У заговора было много тонкостей и хитросплетений, но начался он с того, что накануне Северного восстания титулованный английский дворянин Томас Говард, герцог Норфолк, предложил себя в женихи Марии Стюарт, опальной католической королеве Шот-

⁷⁷ SP 12/48, no. 61.

ландии. Сразу после заключения этого брака испанская армия должна была вторгнуться в Англию, а Норфолк и Мария стали бы властителями всей Британии⁷⁸.

На руку Ридольфи играло и то обстоятельство, что Мария находилась совсем рядом. Дочь Якова V Шотландского и его второй жены Марии де Гиз, правнучка матери Генриха VIII Елизаветы Йоркской, Елизавете она приходилась двоюродной племянницей. Мария Стюарт славилась своей харизмой и способностью уверить собеседника в том, что он единственный человек, который имеет для нее значение. При этом она являлась законной претенденткой на престол, в то время как брак Генриха VIII с матерью Елизаветы Анной Болейн признавался далеко не всеми⁷⁹. Вернувшись в августе 1561 года из Парижа в Эдинбург восемнадцатилетней вдовой (от болезни скончался ее муж – юный король Франции Франциск II), Мария сразу же встала во главе Шотландии. Однако власть ее рухнула в 1567 году, когда в результате заговора представителей шотландской знати был убит ее второй муж – Генрих, лорд Дарнли. В отчаянии Мария бросилась искать защиты у Джеймса Хепберна, графа Ботвелла. Тот согласился поддержать королеву лишь в качестве супруга, но и этот брак ничего хорошего не принес. Марию зато-

⁷⁸ G. Parker. The Place of Tudor England in the Messianic Vision of Philip II of Spain // TRHS, 6th Series, 12 (2000). P. 167–221.

⁷⁹ D. MacCulloch. Thomas Cranmer: A Life. London, 1996. Appendix 2. P. 637–638.

чили в темницу и под угрозой страшной смерти заставили отречься от престола. Переправившись через пролив Солуэй-Ферт, она бежала в Англию⁸⁰.

С тех пор Мария Стюарт была королевой-изгнанницей, неугодной гостьей, кукушкой в гнезде Елизаветы. Она содержалась на средства английской королевы под строжайшим надзором. Ее резиденции в Чатсуорте, графство Дербишир, и в Шеффилде, графство Йоркшир, располагались одинаково далеко от Лондона и от побережья. Надзор за ней был поручен графу Шрусбери, одному из немногих дворян, которым Елизавета безраздельно доверяла. В непосредственной близости всегда находилась вооруженная охрана, особенно во время конных прогулок Марии с ее свитой. Тем не менее Норфолку и Ридольфи удалось найти способ тайно передавать ей послания⁸¹.

Среди европейских монархов не было более рьяного и неутомимого защитника своего политического наследия и католической веры, чем Филипп II Испанский, однако, обнадежив Ридольфи благосклонным вниманием, он уклонился от серьезной поддержки заговора. В свое время, будучи женат на Марии Тюдор, испанский монарх провел почти полтора года в Уайтхолльском дворце и Хэмптон-корте. Во время посещения Тауэра он лично инспектировал запасы артилле-

⁸⁰ J. Guy. *My Heart is My Own: The Life of Mary Queen of Scots*. London, 2004. P. 134–352.

⁸¹ Guy. *My Heart is My Own*. P. 437–497.

рии и оружия, а начиная с 1557 года регулярно получал отчеты о финансовом и военном состоянии королевства. Он слишком хорошо понимал, насколько мощная армия потребовалась бы для того, чтобы осуществить задуманный Ридольфи план⁸².

Жарким летом 1571 года Уолсингем, занимавший тактически выгодный наблюдательный пункт в Париже, помог Бёрли полностью раскрыть заговор Ридольфи. Узнав, что внутри страны действовала целая сеть заговорщиков, среди которых крупнейшие дворяне-католики, Елизавета использовала это обстоятельство как предлог для возрождения печально известных драконовских законов ее отца, касавшихся наказания изменников. Отныне смертью снова карались даже те, кто хотя бы «помыслил» о свержении королевы, не говоря уже об участии в заговоре. Бёрли сделал все, для того чтобы первый пэр королевства, герцог Норфолк, предстал перед судом как глава мятежников. Он был признан виновным в государственной измене и приговорен к высшей мере наказания⁸³.

Заговор Ридольфи заставил государственных мужей озаботиться вопросами королевской безопасности, и в мае 1572

⁸² SP 11/6, fos. 25–31; SP 11/14, fos. 47–55; CSPD Mary, nos. 229–235. См. также: BL, Cotton MS, Titus B. II, fos. 114–16; Parker. Messianic Vision of Philip II. P. 192–195.

⁸³ SR, IV, i, P. 526–528; Parker. Messianic Vision of Philip II. P. 187–220.

года им было посвящено специальное заседание парламента. Приговаривая Норфолка к казни, Елизавета колебалась – слишком высок был статус мятежного дворянина, однако Бёрли и Уолсингем требовали еще и казни Марии Стюарт. Первостепенной целью Бёрли было продвижение в парламенте законопроекта о лишении Марии гражданских прав как изменницы, что позволило бы казнить ее без судебного разбирательства с доказательствами ее вины. Для достижения этой цели он тайно организовал травлю Марии Стюарт в прессе, представляя шотландскую королеву кровожадной католической ведьмой. Бёрли придерживался радикального принципа: «Хорошая Мария – мертвая Мария». Ошибкой же Елизаветы, как сам Бёрли сказал в частной беседе Уолсингему, было ее упорное желание держать кузину в неопределенности⁸⁴.

Но действительно, могла ли Мария, миропомазанная королева из другой страны (Шотландия была тогда еще независимым государством), быть осужденной за государственную измену в Англии? Елизавета так не считала. Цареубийство казалось ей невозможной гнусностью. Для успокоения протестантов в палате общин она, идя на поводу у Бёрли, согласилась казнить Норфолка. Но этого было мало. Бёрли собственной рукой пишет Уолсингему письмо. В нем говорится о некой «верховой персоне» государства (конечно, имелась в виду Елизавета), которой не удалось умертвить эту

⁸⁴ Guy. *My Heart is My Own*. P. 467–469.

змею Марию, тем самым опозорив своих советников. Ближе к концу письма он припомнил королеве все ее просчеты и ошибки в отношениях с Марией Стюарт, которые им, впрочем, «надлежит стерпеть, дабы не опорочить чести той, кто превыше нас»⁸⁵.

Елизавета двойственно относилась к своей кузине Марии, которую называла сестрой и встречи с которой так ждала в 1562 году⁸⁶. Когда речь шла о кровных монарших связях, религия и политика отходили для нее на второй план. Еще в 1561 году она сообщила первому советнику шотландской королевы Уильяму Мейтланду, что в случае ее смерти именно Мария будет обладать неоспоримым правом на трон: «Я с моей стороны не вижу лучшего наследника, да и вряд ли, честно скажу вам, что-то сможет помешать ей»⁸⁷. Кровное родство значило для Елизаветы больше различий в формах богослужения.

Бёрли очень опасался, что многие «умеренные» протестанты, не говоря уже о воинствующим католикам (представлявших, по его мнению, наибольшую угрозу), увидят в возможном наследовании Марии залог династического преемства, к тому же шотландская королева, в отличие от своей

⁸⁵ BL, Cotton MS, Vespasian F. VI, fo. 64.

⁸⁶ Guy. *My Heart is My Own*. P. 149–169.

⁸⁷ Lethington's Account of Negotiations with Elizabeth in September and October 1561 // A Letter from Mary Queen of Scots to the Duke of Guise, January 1562. J. H. Pollen (ed.). Edinburgh, 1904. Appendix 1. P. 39.

кузины, к тому времени уже произвела на свет сына – принца Якова. С момента их свадьбы с лордом Дарнли в 1565 году и ее беременности Бёрли преследовал этот навязчивый страх. Не раз он просыпался посреди ночи и отмечал в своих записках тревогу по поводу того, что подданные Елизаветы видят в Марии преемницу, даже несмотря на ее католическую веру. А значит, «народ Англии будет всячески поддерживать дальнейшее продвижение королевы шотландской». В своих головах «они отвратятся от положенных им обязательств» перед Елизаветой, даруя Марии возможность совершить государственный переворот и восстановить католицизм⁸⁸.

Бёрли и Уолсингем были идейными протестантами, одержимыми эсхатологической, почти мессианской идеей особой роли протестантской Англии в истории. Опасаясь многоглавой гидры заговоров, возвращенной Филиппом II, папой, ссыльными католиками и иезуитами, они твердо решили сделать все для того, чтобы престол перешел к протестанту, и если для этого требовалось принять соответствующие парламентские законы, значит, так тому и быть.

Для советников королевы вера была важнее прав на престолонаследие, а Елизавета расставляла приоритеты иначе. В пору, когда казалось, что жизнь королевы – а значит, и судьба Англии как протестантского государства – висит на волоске (именно такие ощущения одолевали в 1584 году и шерифа Спенсера), вопрос о наследнике и правда был важен.

⁸⁸ SP 52/10, no 62; BL, Cotton MS, Caligula B. X, fos. 301–305.

Однако Бёрли и Уолсингем помнили темные времена правления Марии Тюдор, когда первому пришлось под страхом смерти принять «папское идолопоклонничество», а второму – бежать из страны. Тогда признала католичество и Елизавета, не собиравшаяся умирать мученической смертью, но если Бёрли и Уолсингем делали все возможное, чтобы католик больше никогда не вернулся на английский трон, Елизавета твердо верила, что кровные узы важнее религиозных⁸⁹.

В 1584 году, когда Джон Спенсер в последний раз отправился в качестве шерифа патрулировать беспокойные улицы Лондона, между Англией и Испанией возник еще один предмет разногласий, причем куда более серьезный, чем Мария Стюарт. В Нидерландах начиная с 1560-х годов кальвинисты открыто бунтовали против испанского владычества. Этот богатый торговый регион оказался под пятой Испании относительно недавно. Территории эти оставались независимыми даже после 1516 года, когда на трон объединенной Испании взошел отец Филиппа II Карл V Габсбург. Родившийся в Нидерландах Карл очень любил этот край, но после того, как он в 1556 году передал престол своему сыну, отношения между Испанией и Нидерландами резко ухудшились. Почти во всех семнадцати провинциях (особенно северных) говорили исключительно на голландском языке. На юге также исполь-

⁸⁹ Guy. *Children of Henry VIII*. P. 161, 167; R. Harkins. *Elizabethan Puritanism and the Politics of Memory in Post-Marian England*, HJ, 57 (2014). P. 899–919.

зовался валлонский язык. Однако все земли были переданы Филиппу, который намеревался интегрировать их в Испанскую империю.

Торговые связи между Нидерландами и Англией всегда были сильны, а после елизаветинского Акта о единообразии еще упрочились, поскольку Антверпен стал единственным рынком, на котором королева могла брать деньги взаймы. Когда в 1566 году нидерландские кальвинисты начали открыто бунтовать, Бёрли и Уолсингем держали руку на пульсе. С растущими опасениями они наблюдали из-за моря за тем, как король Филипп принимает одно за другим судьбоносные решения. Спокойно и целенаправленно он развернул против еретиков-кальвинистов испанскую инквизицию, затем поставил лучшего из своих военачальников Фернандо Альвареса де Толедо, герцога Альбу, во главе только что набранной Фландрской армии, целью которой было объединить все семнадцать провинций в одну со столицей в Брюсселе⁹⁰.

Елизавету нидерландские бунтовщики едва ли могли счи-

⁹⁰ Название «Фландрская армия» несколько не точно. Эти войска были набраны из Испании, Италии, Бургундии, Германии и южных областей Нидерландов. Некоторые католики из Шотландии и Ирландии даже присоединились в качестве добровольцев. Войска были сохранены как отдельные единицы: только испанцы могли служить в испанских контингентах или командовать ими, и так далее. См.: G. Parker. *The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567–1659*. Cambridge, 1972. P. 25–35. См. также: G. D. Ramsay. *The End of the Antwerp Mart: The Queen's Merchants and the Revolt of the Netherlands*. 2 vols.. London, 1975–1986. II. P. 51–53.

татъ своей союзницей, поскольку не раз она читала им нравоучения об их долге перед законной королевской властью и об опасности повстанческого республиканства. Однако Елизавета понимала: стоит Филиппу подчинить себе Нидерланды, и самой мощной и оснащенной в Европе испанской армии останется лишь пересечь небольшой пролив, чтобы достичь Лондона. Она встречалась с Филиппом в бытность его супругом ее сестры Марии Тюдор и никаких иллюзий на его счет не питала. Да, он спас Елизавету, когда королева Мария уличила ее в измене, но для него она всегда была лишь пешкой в большой дипломатической игре, в которой его беспокоили только интересы Испании⁹¹. Он грубо пренебрег интересами Англии, когда вынудил свою жену Марию Тюдор ввязаться в ненужную войну с Францией, в результате которой Англия потеряла Кале – свой мост в Европу и последнее владение на континенте. Незадолго до или сразу же после воцарения Елизаветы он носился с идеей женитьбы на ней, но затем, даже не дождавшись ответа, предпочел ей французскую принцессу Елизавету Валуа⁹².

На протяжении неполных десяти лет Елизавета беспомощно наблюдала за тем, как отряды храбрых английских добровольцев погибали в Нидерландах, защищая своих братьев протестантов. И все же, когда в январе 1576 года послы

⁹¹ Guy. *Children of Henry VIII*. P. 155–175.

⁹² S. Doran. *Monarchy and Matrimony: The Courtships of Elizabeth I*. London, 1966. P. 22–25; H. Kamen. *Philip of Spain*. London, 1997. P. 72.

нидерландских провинций Голландии и Зеландии прибыли в Хэмптон-корт с предложением к Елизавете стать их сувереном, она отказалась. В те годы ее усилия были направлены скорее на то, чтобы примирить мятежные Нидерланды с королем Филиппом, убедить его восстановить их старинные свободы и вывести оккупационные войска – ни больше ни меньше. Она не считала своим долгом помогать им только потому, что они тоже были протестантами⁹³.

Чуть позже, в ноябре, наступил переломный момент: испанские войска принесли огонь и расправу в Антверпен, крупный экономический и культурный центр. Так же как после Варфоломеевской ночи, когда в Париже тысячи протестантов были убиты и около шестисот домов разграблено, после вестей из Антверпена королева уже не могла бездействовать. Ища поддержки третьей стороны, она обратилась к Франциску, герцогу Анжуйскому. Брат короля Генриха III и наследник французского престола, герцог был умеренным католиком и потому приемлемой фигурой для Испании и Рима⁹⁴. Этот план Елизавета решила осуществить в обход Бёрли и Уолсингема, которые – каждый по-своему, но оба достаточно настойчиво – упрашивали ее оказать Нидерлан-

⁹³ SP 77/1, no. 37; Lettenhove, VIII. P. 157–162; Lodge, II. P. 135–137; S. Adams. Elizabeth I and the Sovereignty of the Netherlands, 1576–1585 // TRHS, 14 (2004). P. 309–317.

⁹⁴ Doran. Monarchy and Matrimony. P. 130–194.

дам немедленную финансовую и военную помощь⁹⁵.

В июне 1578 года Елизавета отправляет Уолсингема в Антверпен в качестве чрезвычайного посланника, чтобы подготовить почву для представления герцога Анжуйского защитником и спасителем Нидерландов. Уолсингем сделал все, что было в его силах, однако сам в удачный исход этой затеи не верил. Самовлюбленный и безответственный, герцог скорее заботился о собственной выгоде, чем о примирении враждующих сторон. Елизавете не раз приходилось ему напоминать, что его помощь заключается отнюдь не в военной аннексии Нидерландов⁹⁶.

К 1579 году мятеж приобрел такие масштабы, что южные провинции Нидерландов предпочли заключить с Испанией перемирие. Именно в эту опасную пору Елизавета начала оказывать герцогу Анжуйскому знаки внимания, означавшие возможность их помолвки. Сначала она колебалась, но ей пришлось принять волевое решение, когда Филипп II вступил в Войну за португальское наследство⁹⁷. Если бы ему удалось объединить под одной короной две крупнейшие ко-

⁹⁵ Старая мысль, восходящая к «Анналам» Кэмдена, что мнения Бёрли и Уолсингема относительно того, как действовать в Нидерландах, сильно расходились, ничем не подкреплена.

⁹⁶ Lettenhove, X. P. 518–522, 533, 558–564, 567–580.

⁹⁷ Филипп стал королем Португалии после смерти кардинала Энрике, унаследовавшего в 1578 году престол своего внучатого племянника Себастьяна I, который, в свою очередь, был убит в сражении с турками в битве при Эль-Ксар-эль-Кебире в Марокко.

лонияльные державы, полное подчинение Нидерландов стало бы лишь вопросом времени. А затем, кто знает, возможно, пришел бы черед и Англии.

Впервые вживую увидевшись с герцогом Анжуйским в 1579 году, Елизавета нашла его физически отталкивающим. Невысокий рост и шрамы, оставленные на лице оспой, кривые ноги и сиплый, скрипучий голос. Кроме того, он был почти на двадцать два года младше. Однако, не показывая своих истинных чувств, она продолжала придерживаться своего плана. Дав ему прозвище «лягушонок» (любопытно, что он против него никогда не возражал), она твердо решила сделать из герцога своего верного союзника. В знак своей благосклонности она носила золотую брошь в виде лягушки, а в обмен на его преданность обещала ему разделить с ним английский престол⁹⁸.

Фантазируя о скором выгодном браке, герцог Анжуйский в 1581–1582 годах второй раз приехал в Лондон. Елизавета исполняла роль влюбленной королевы безупречно. Прогуливаясь вместе с ним и французским послом Мишелем де Кастельно, сеньором де Мовиссьером по Уайтхолльскому дворцу, она внезапно повернулась к герцогу и поцеловала его в губы. Она даже подарила ему кольцо со своей руки в качестве «задатка»⁹⁹. Затем она открыто объявила о помолвке, заявив: «Отныне у меня есть супруг. Обо мне есть кому по-

⁹⁸ Ellis, 1st Series, III. P. 52; Doran. Monarchy and Matrimony. P. 154–194.

⁹⁹ CSPSp, 2nd Series, 1580–86. P. 226–227.

заботиться». Во всяком случае, такой слух дошел до ликующего Парижа¹⁰⁰.

Однако все это никак не устраивало королевских советников, и идею о замужестве пришлось оставить. Давление на Елизавету оказывали даже ее наперсницы, проводившие ночи в королевской опочивальне (государыня страдала от бессонницы и боялась темноты). Каждую ночь одна из этих дам оставалась спать рядом с королевой, устроившись на соломенном матрасе на полу возле королевской кровати. Будучи уверенными, что Елизавета и правда влюблена в герцога Анжуйского, они плакали и голосили «и настолько напугали ее, что она ночи напролет проводила в сомнениях и замешательстве». В конце концов она отправила посланников к Франциску с сообщением, что разрывает помолвку¹⁰¹.

В апреле 1581 года на заседании португальских кортесов Филипп II дал клятву соблюдать все законы и обычаи этой страны и был провозглашен королем Португалии. Так, удвоив бюджет на содержание фландрской армии, король незамедлительно отправил своего племянника и по совместительству нового военачальника Алессандро Фарнезе, герцога Пармского, отвоевывать мятежные регионы¹⁰². За

¹⁰⁰ Les Mémoires de M. le Duc de Nevers. Le Sieur de Gomberville (ed.). 2 vols.. Paris, 1665. I. P. 552–553.

¹⁰¹ Camden. P. 268; CSPV, 1581–1591, P. 23–24; Mémoires de M. le Duc de Nevers. I. P. 552.

¹⁰² G. Parker. The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567–1659. Cambridge, 1972. P. 239–241.

несколько недель города Фландрии и Брабанта были преданы огню, а в Лондон хлынула очередная волна беженцев-протестантов. Осознавая, что выбора нет, Елизавета подкупила герцога Анжуйского, пообещав 30 000 (в пересчете на современные деньги – около 30 млн фунтов стерлингов за статус номинального главы нидерландских провинций¹⁰³. Однако ненадежный, тщеславный Франциск не желал довольствоваться фиктивным титулом. В январе 1583 года он попытался устроить в Антверпене государственный переворот, однако потерпел сокрушительное поражение и был вынужден с позором вернуться во Францию. Возмущенная его негодностью, Елизавета навсегда разорвала связь с герцогом, назвав его беспомощным растратчиком ее денег¹⁰⁴.

Итак, военный кризис охватил почти всю Европу, католическая наследница престола находилась на английской земле, в Париже ссыльные католики вместе с иезуитами строили планы по приведению в исполнение папского указа о свержении Елизаветы – Тайному совету было отчего бить тревогу. Никогда угроза не была более реальной, чем в октябре 1583 года, когда молодой католик из Уорикшира Джон Сомервилл (кстати, его тесть Эдуард Арден был родственни-

¹⁰³ Foedera, XV. P. 792.

¹⁰⁴ CSPF, 1583 and Addenda. P. 20–22; HMC, Hatfield MSS, III, no. 29; W. T. MacCaffrey, *Queen Elizabeth and the Making of Policy, 1572–1588*. Princeton, 1981. P. 283–285, 300–301.

ком Шекспира) отправился из дома с твердым намерением застрелить королеву во время конной прогулки. Однако он не особенно скрывал свои планы и вскоре был арестован в Оксфордшире. После суда в лондонской ратуше Сомервилл и три его предполагаемых сообщника (включая и его тещу) были приговорены перепуганными присяжными к высшей мере. Вскоре несостоявшийся убийца королевы повесился в камере в Ньюгейтской тюрьме¹⁰⁵.

Менее чем через месяц после этого жертвой Уолсингема, в чьем распоряжении находилось около двадцати шпионов и агентов, стал Фрэнсис Трокмортон, племянник того самого сэра Николаса, который советовал Елизавете «остерегаться женского легкомыслия». Подобно многим другим, семья Трокмортон была разобщена из-за религиозных разногласий. Сэр Николас, умерший в 1571 году от воспаления легких (слухи о том, что он съел отравленный салат, вряд ли можно воспринимать всерьез), был убежденным протестантом, в правление Марии Тюдор его судили за измену, однако лондонские присяжные его оправдали. Но его племянник, молодой и упрямый, был ярым католиком и даже добровольно предлагал свои услуги в качестве посыльного французскому и испанскому послам в Лондоне. При обыске его дома на берегу Темзы рядом с церковью Святого Павла,

¹⁰⁵ SP 12/163, nos. 4, 21–3, 28, 47, 48, 53, 55; KB8/45; Stow, 1592 edn. P. 1189–1190; S. Alford. *The Watchers: A Secret History of the Reign of Elizabeth I*. London, 2012. P. 134–135.

известной как Павлов причал (Paul's Wharf), среди его бумаг нашли доказательства его участия в страшной крамоле. Трокмортон оказался замешан в заговоре, разработанном в Риме шотландским иезуитом Уолтером Крайтоном, а затем перешедшем под контроль герцога Генриха де Гиза, кузена Марии Стюарт. Гиз был богатейшим человеком Франции, а в период Религиозных войн возглавлял ультракатолическую фракцию дворян. Только он во всей Европе мог состязаться с испанским королем Филиппом в богатстве и военной мощи, необходимой для завоевания Англии. Заручившись финансовой поддержкой парижских купцов, он уже начал готовить войска, а своей матери писал, что «в Англии нас ждет долгая, но красивая партия»¹⁰⁶.

Уолсингем не знал, что и думать: ему совершенно случайно удалось раскрыть заговор такого масштаба. Ведь обыскать дом Фрэнсиса Трокмортонна он решил лишь потому, что тот слишком часто стал наведываться во французское посольство¹⁰⁷.

Трокмортонна пытали на дыбе. Сначала он храбро молчал, но, когда боль стала невыносимой, выложил все, что знал. Новые данные заставили Елизавету резко разорвать всякие отношения с Испанией. Как и Ридольфи, герцог де Гиз на-

¹⁰⁶ S. Carroll. *Martyrs and Murderers: The Guise Family and the Making of Europe*. Oxford, 2009. P. 242–255; Alford. *The Watchers*. P. 45–92, 152–166.

¹⁰⁷ C. Read. *Mr Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth*. 3 vols. Oxford, 1925. II, P. 381–386.

меревался свергнуть и умертвить незаконнорожденную Елизавету, посадив на ее трон Марию Стюарт. Для пользы дела Трокмортон передал дону Бернардино де Мендосе, испанскому послу в Лондоне с 1578 года, карты южного побережья Англии с обозначением мест наиболее удобных для высадки, а также список дворян-католиков, которые точно присоединились бы к заговору¹⁰⁸.

Для Уолсингема и Бёрли происходящее словно явилось из их ночных кошмаров, поэтому они взялись за дело, не теряя ни секунды. 19 января 1584 года свояк Уолсингема Роберт Бил вызвал Мендосу на встречу, на которой присутствовал сам Уолсингем. На беглом итальянском он сообщил послу, что знает о его участии в заговоре и что у того есть две недели на то, чтобы собрать вещи и навсегда покинуть Англию¹⁰⁹.

Дальше хуже. 19 июня, за месяц до повешения Трокмортон, Елизавета получила грозные вести от посла в Париже: неожиданно в Шато-Тьерри, в восьмидесяти километрах к северо-востоку от Парижа, скончался герцог Анжуйский. Ему было всего двадцать девять лет, а причиной смерти был назван прогрессирующий сифилис¹¹⁰. Елизавета оплакивала жениха и носила траур в течение полугода. В начале сентября Кастельно, не только посол Франции в Лондоне, но и враг

¹⁰⁸ SP 12/163, no. 65; SP 12/171, no. 86; Harleian Miscellany, III, P. 190–200; J. Bossy. Under the Molehill: An Elizabethan Spy Story. London, 2001. P. 65–124.

¹⁰⁹ CSPSp, 2nd Series, 1580–1586. P. 513–514.

¹¹⁰ CSPF, 1583–1584, nos. 647–648.

герцога де Гиза, был приглашен понаблюдать за королевской охотой с недавно выстроенной террасы на стенах Виндзорского замка в Беркшире. Королева приветствовала его облаченная в черное платье и закрытая длинной прозрачной вуалью, как если бы она была вдовой герцога Анжуйского¹¹¹.

Смерть Франциска была чревата неприятными последствиями, которые Елизавета и Кастиельно обсудили в Виндзоре. Все трое братьев короля Генриха III теперь были мертвы, и Франция оставалась с королем, который не имел наследника мужеского пола и чья сексуальная ориентация давно вызывала вопросы. На корону претендовал его троюродный брат Генрих Наваррский и его дядя кардинал Карл де Бурбон, архиепископ Руана. Из двух претендентов более молодой, полный сил, умный и честный король Наваррский выглядел явным фаворитом в борьбе за корону Франции. Однако он относился к презируемым Гизами гугенотам. И это явилось предлогом для династических притязаний самого герцога де Гиза. Кастиельно и Елизавета были единодушны в том, чтобы не допустить герцога де Гиза к короне¹¹².

Впрочем, 6 июля ставки вновь были удвоены. В Лондон прибыл курьер с возмутительными вестями о том, что пять

¹¹¹ SP 78/12, no. 1; Marie Stuart et Catherine de Médicis. A. Chérueil (ed.). Geneva, 1975. P. 328; Journey through England and Scotland made by Lupold von Wedel in the Years 1584 and 1585. G. von Bülow (ed.) // TRHS, 2nd Series, 9 (1895). P. 262.

¹¹² E. Saulnier. Le Rôle Politique du Cardinal de Bourbon, 1523–1590. Paris, 1912. P. 103–125; M. P. Holt. The French Wars of Religion, 1562–1629. Cambridge, 2005. (2nd edn). P. 123–126.

дней назад молодой испанский наемник Бальтазар Жерар убил главу голландских кальвинистов Вильгельма I, принца Оранского, в его резиденции в Делфте. Соблазненный щедрым вознаграждением в 25 000 экю (примерно 8 млн фунтов по современным меркам), которое король Филипп II посулил за голову Вильгельма, Жерар зарядил пистолет тремя пулями и запасся порохом. Первая пуля была пущена в живот Вильгельма (которому на тот момент исполнился пятьдесят один год), когда он повернулся к лестнице, ведущей в его покои. Две другие прошли через легкие и затем пробили стену. Вильгельм скончался на месте¹¹³.

Нидерландский мятеж был обезглавлен. При этом войска герцога Пармского уже маршировали к Брюсселю и Антверпену, и казалось, что вскоре нидерландские города начнут падать один за другим, как кегли. Герцог де Гиз смекал быстро и уже подготавливал свой план. В конце года он временно отложил проект завоевания Англии, поскольку Филипп II пообещал ему астрономические 50 000 французских крон (16 млн фунтов по современным меркам) в месяц на создание Католической лиги, целью которой будет уничтожение всех гугенотов и полное возвращение Франции в лоно католической церкви. Если бы Гизу это удалось, Англия стала бы максимально уязвимой перед союзом Испании, Франции и папы римского.

¹¹³ Harleian Miscellany, III. P. 200–201.

Прошло около трех месяцев с убийства Вильгельма Оранского, когда сэр Джон Спенсер в сопровождении констеблей неспешно проходил мимо улицы Олдгейт, с восточной стороны опоясывавшей лондонский Сити, где, как он знал, нужно быть предельно бдительным. Осознавая, что один выстрел может привести к катастрофическим последствиям, члены Тайного совета удвоили усилия в поисках шпионов-«папистов» и иезуитов, а также устраивали обыски дворян и горожан, сочувствующих католикам, в том числе священников, подозреваемых в тайном отправлении месс. Дозоры в городе проводились чаще обычного. Все католики – как священнослужители, так и миряне – находились под присмотром, а те из них, кого посчитали потенциально опасными, были отправлены в замок Уизбич в глубины болотистого Кембриджшира. Самых же неугодных посадили на корабли, связав их руки веревкой, и отправили «прочь из королевства, по повелению Ее Величества»¹¹⁴.

Повернув за угол, Спенсер увидел кучку подозрительных иностранцев, которые перешептывались, наблюдая за тем, как рабочие с кирпичами и лопатами по приказу лорд-мэра заделывают тайный проход в городской стене, ведущий в закрытый иммигрантский район. Спенсер обратил особое внимание на двух смуглых мужчин, казавшихся братьями: один был пониже и носил кожаные туфли, второй отличался высоким ростом. Оказалось, что они обращенные евреи из Ве-

¹¹⁴ SP 12/168, no. 1; SP 12/190, no. 44; Stow, 1592 edn. P. 1190–1191.

неции, чьи родители приняли католичество из страха перед инквизицией¹¹⁵.

Услышав, как эти бездельники перешептываются на иностранном языке, Спенсер насторожился. Он хорошо знал, что португальские и итальянские евреи – по большей части шпионы, авантюристы и в целом люди опасные. Как и Уолсингем, он подозревал иноземцев в служении ненавистным иезуитам. Может быть, это даже наемные убийцы?

Спенсер раздраженно спросил у иноземцев, кто они, и настойчиво посоветовал им отправляться восвояси. Венецианцы же в ответ заявили: «Это земля королевы, и мы отсюда никуда не пойдем». Шериф пригрозил субъекту в туфлях отправить их в тюрьму, если он и его товарищи сейчас же не уйдут. Ответ был таков: «В тюрьму? Поцелуйте лучше, сударь, свой афедрон»¹¹⁶.

Гордый и вспыльчивый «столп власти», однажды уже преуступивший закон избиением дочери, шутить не собирался¹¹⁷. У него уже было достаточно оснований для ареста наглецов. К тому же провокации на этом не закончились, потому что

¹¹⁵ Изгнанные из Англии в 1290 году Эдуардом I с полной конфискацией имущества евреи смогли вернуться лишь при Генрихе VIII в 1530-е годы после его разрыва с Римом.

¹¹⁶ SP 12/173, nos. 25, 47, 47 (I); Chamber Accounts of the Sixteenth Century. B. Masters (ed.). London: London Record Society, 1984. nos. 77, 83, 227; D. Lasocki. R. Prior. The Bassanos: Venetian Musicians and Instrument Makers in England, 1531–1665. Aldershot, 1995. P. 78, 243–244.

¹¹⁷ Chamberlain. P. 50, 109.

высокий вежливо произнес: «Шериф Спенсер, у нас при дворе тоже есть знакомые и, как мне представляется, повлиятельнее ваших».

В ту же секунду Спенсер, которого прозвали «твердолобым», приказал констеблям арестовать высокомерных чужеземцев. Они оказали яростное сопротивление: попало не только констеблям, но и самому Спенсеру. К тому моменту на место происшествия прибыл Уильям Флитвуд, лондонский окружной судья, и без промедления повез нарушителей в Ньюгейтскую тюрьму. По дороге тот, что в туфлях, презрительно поинтересовался, кто сопровождает их в острог. Получив ответ, чужеземец предложил Флитвуду съесть подметку его туфли.

Сначала иноземцев дотащили до ближайшей тюрьмы, находившейся у Птичьего рынка за биржей. Но венецианцы продолжали проявлять демонстративное неповиновение. Когда тюремщик записал их имена и собирался отвезти в камеру, они заявили, что господин судья определил их в Ньюгейтскую тюрьму и здесь они сидеть отказываются¹¹⁸.

Через неделю Спенсер пережил самое большое потрясение в своей жизни. В двери его особняка Кросби-Плейс в Бишопсгейте постучался королевский посланник с письмом от Уолсингема. Он мелкими делами больше не занимался, но в данном случае лично отчитал Спенсера за арест венецианцев. Оказалось, что шериф задержал Артура, Эдуарда и

¹¹⁸ SP 12/173, nos. 25, 47, 47 (I).

Иеронима Бассани – любимых музыкантов королевы, и она в гнев требовала отпустить их¹¹⁹.

Елизавета поехала отдохнуть во дворец Оутлендс, построенный ее отцом для своей третьей жены Джейн Сеймур рядом с городком Уэйбридж в графстве Суррей. Там она узнала об аресте своих музыкантов¹²⁰. Случилось это вскоре после визита Кастельно в Виндзор. Подходило к концу летнее путешествие королевы по стране. Раздраженная Елизавета поручила заняться делом арестованных музыкантов Уолсингему. Ее нетерпеливость – даже если речь шла о делах незначительных – была притчей во языцех: так, однажды апрельской ночью 1572 года королева никак не могла уснуть и приказала личному конюшему скакать «что есть мочи» из Гринвича в Уайтхолл, более чем по одиннадцать километров в каждую сторону, за атласной подушкой, которую оттуда забыли привезти¹²¹.

Низкопоклонствуя и лебезя, Спенсер пытался оправдаться, объяснял, что не знал венецианских музыкантов в лицо. Члены Тайного совета, подстегиваемые раздраженной королевой, освободили братьев Бассани, а Спенсера и Флитвуда 8 октября вызвали в Уайтхолл «на ковер»¹²².

¹¹⁹ Письмо Уолсингема утеряно, но о содержании его можно догадываться из ответа Спенсера: SP 12/173, no. 47.

¹²⁰ Местоположение двора можно отследить в: E351/542 (entries from Mich. 1584–5); Lodge, II. P. 246–247.

¹²¹ E351/541 (entries for 1572).

¹²² SP 12/173, no. 47.

Как и предсказывали дерзкие музыканты, обвинители теперь сами оказались в роли обвиняемых. Тайный совет отправил незадачливых хранителей правопорядка в тюрьму Маршалси в Саутуарке на южном берегу Темзы. Тщетно Спенсер взывал к Уолсингему, заверяя, что «никогда бы добровольно не учинил ничего, что могло бы вызвать недовольство Ее Величества или Вашей Чести, ибо ради Ее Величества и с одобрения Вашей Чести готов отдать как свое состояние, так и саму жизнь»¹²³. В итоге Спенсеру и Флитвуду было приказано смиренно просить прощения у братьев Бассани, а также выплатить круглую сумму для возмещения тех лишений, которые музыканты претерпели во время нахождения за решеткой. Затем еще владелец Олдгейта лорд Томас Говард взыскал с провинившихся сумму, в которую он оценил урон, нанесенный ему рабочими, заделывавшими нелегальный проход¹²⁴. Неудивительно, ведь за несколько недель до этого Елизавета стала крестной сына Говарда, послав кормилице ребенка мошну с серебром¹²⁵.

Учитывая разрыв отношений с Испанией и страх, охвативший столицу в 1584 году, нет ничего удивительного в том, что сэр Джон Спенсер арестовал подозрительно перешептывавшихся чужеземцев. Он поступал в соответствии с

¹²³ SP 12/173, no. 47.

¹²⁴ STAC5/H6/1, STAC5/H10/21, STAC5/H33/23, STAC5/H38/10, STAC5/H41/6.

¹²⁵ E351/542 (entries for 1584).

возложенными на него обязанностями. Да, Спенсер славился своей несдержанностью, но не менее темпераментной оказалась и сама королева. Помимо прочего, шерифа поразила беспечность Елизаветы, а также отсутствие всякого уважения к нему как избранному представителю власти. Об этой стороне характера королевы злополучный шериф не подозревал. Вынужденный отчитываться перед Тайным советом, он на собственной шкуре почувствовал, что Англией правит королева, чьи помыслы и чаяния неведомы даже самым близким ее сподвижникам.

Кризис и предательство

Убийство Вильгельма Оранского поставило Елизавету перед самым решительным и опасным выбором в ее жизни, столкнув внутри ее инстинкты королевы и чувства женщины. Вопрос стоял прямо: должна ли она прийти на помощь голландским кальвинистам в их борьбе с испанским владычеством, провоцируя таким образом войну, или же предоставить мятежников их собственной судьбе? Откажись она от вмешательства, войска герцога Пармского, без сомнения, захватили бы Нидерланды. И тогда британские острова оказались бы в радиусе непосредственного поражения, поскольку Ла-Манш находился бы под контролем лучшей в Европе армии Филиппа II.

Гибель предводителя ввергла нидерландцев в такое отчаяние, что они позвали короля Франции Генриха III править их страной. Уолсингем, многие годы выступавший ярым сторонником военной и материальной поддержки голландских кальвинистов, получил в начале октября 1584 года от своего агента в Делфте подробный отчет о сделанном французскому монарху предложении¹²⁶. Верный католик, Генрих, в отличие от герцога де Гиза, не питал никаких симпатий к

¹²⁶ CSPF, 1584–1585. P. 79.

Филиппу, и поначалу казалось, что он может принять предложенное ему господство. 10 октября на заседании Тайного совета было решено отправить «какого-нибудь мудрого человека» в Голландию с тем, чтобы проверить, возможно ли участие Елизаветы в подписании франко-голландского союзнического соглашения в качестве гаранта. Для королевы такая позиция была бы наиболее предпочтительна. Тем не менее Елизавета решила, что в случае, если король Франции откажется защитить Нидерланды от «испанской деспотии», сама она не станет претендовать на титул правителя нидерландских земель, но сделает все, что в ее силах, чтобы оказать им посильную помощь. «Воля Ее Величества, – писал Бёрли, излагая позицию Совета в ряде конфиденциальных докладных записок, – состоит в том, чтобы оказать землям этим всяческую помощь, какую оказала бы она владениям собственным». Королева была готова пойти на это, полностью осознавая, что помощь Голландии ознаменовала бы начало войны с Испанией¹²⁷.

Вскоре после заседания Совета Елизавета слегла с тяжелым желудочным недомоганием, которое было вызвано отчасти нервным напряжением, а отчасти своеобразным выбором меню на завтрак: «сладости из ячменя, вымоченного на сахаре и воде и доведенного до густоты хлебом»¹²⁸. Едва оправившись, королева послала в Голландию для сбора све-

¹²⁷ SP 83/23, no. 28; SP 12/173, no. 65.

¹²⁸ SP 12/173, no. 94.

дений Уильяма Дэвисона – верного секретаря Уолсингема и ярого сторонника голландских мятежников. Памятуя о готовности герцога де Гиза в любой момент развязать войну за французский престол, Елизавета нуждалась также в надежных источниках и во Франции, и выбор ее пал на Генри Стэнли, графа Дерби, – вполне преданного ей некровного родственника и обладателя невыразимо элегантного почерка. Дабы расширить полномочия Стэнли, Елизавета дарует ему звание тайного советника и посылает в Париж, где тот под остроумным предлогом – необходимость вручить королю Генриху орден Подвязки – завоевывает доверие французского двора. Это был легкий способ узнать, как французы отнесутся к предложению голландцев.

В пятницу 5 марта 1585 года во внутреннем дворе Гринвичского дворца послышался топот копыт и хруст гравия. Из Парижа в спешном порядке прибыл забрызганный грязью всадник. Это был Чарльз Мербери, посланник графа Дерби, и он привез важную новость: Генрих отклонил предложение голландцев¹²⁹. Бёрли немедленно созывает второе заседание Тайного совета¹³⁰. Рано утром в понедельник один-

¹²⁹ E351/542, m. 66v.

¹³⁰ SP 84/1, no. 56; S. Adams. Elizabeth I and the Sovereignty of the Netherlands, 1576–1585 // TRHS, 14 (2004). P. 317–319; S. Adams. The Decision to Intervene: England and the United Provinces, 1584–1585 // Europa y la monarquía católica: Congreso Internacional “Felipe II (1598–1998), Europa dividida, la monarquía católica de Felipe II” (Universidad Autónoma de Madrid, 20–23 abril 1998). José

надцать советников собираются в его имении Сесил-хаус на улице Стрэнд с плотными стенами из кирпича, устремленными к небу башнями, банкетным залом и садами, полными экзотических растений, простиравшимися аж до полей Ковент-гардена.

К тому моменту обстановка в столице была накалена до предела. Не далее как в прошлый вторник во внутреннем дворе Вестминстерского дворца был жестоко казнен доктор Уильям Пэрри, валлиец и один из бывших шпионов Бёрли. В Венеции и Риме Уильяма подкупили папские агенты, за чем последовало обвинение в государственной измене и приговор – казнь через повешение. Эгоистичный карьерист, Пэрри перешел в католичество и прошел конфирмацию в коллегии иезуитов в Париже, сопроводив ее клятвой убить Елизавету. Роберт Дадли, граф Лестер, занял самую выгодную точку для обзора казни и наблюдал за смертью предателя с деревянной кафедры, специально сколоченной по этому случаю. По приказу королевы веревка на шее Пэрри была перерезана через несколько секунд после того, как палач выбил лестницу из-под его ног, затем еще находящегося в сознании Пэрри выпотрошили мясницким ножом¹³¹. В момент, когда лезвие глубоко вонзилось в тело предателя, он издал «великий стон», как позже запишет один из пораженных наблюда-

Martínez Millán (ed.). 3 vols. Madrid, 1998. I. P. 19–31.

¹³¹ Обычно потрошение начиналось только после того, как изменник терял сознание.

телей. В качестве финального акта казни голову и конечности осужденного отделили от торса, и, вздернутые над Лондонским мостом и городскими воротами, они служили напоминанием о страшной цене государственной измены¹³².

А тем временем в Нидерландах армия герцога Пармского столь яростно и успешно крушила полки кальвинистов, что казалось, сопротивление смогут оказать только три северные провинции – Голландия, Зеландия и Утрехт. Вот-вот готов был пасть Антверпен, и в тот понедельник Тайный совет настойчиво склонял королеву вмешаться в ход военных действий ради спасения голландцев. Бёрли представляет Елизавете мнение Совета в письменном виде, и уже на следующий день она посылает Эдуарда Бёрнема, еще одного доверенного помощника Уолсингема, проинформировать голландские штаты о том, что, «почитая великой угрозой овладение королем Испании этими землями... она исполнилась решимости взять их под свою защиту»¹³³. Ошибочное утверждение предыдущих биографов, что Елизавета была вынуждена прибегнуть к силе, чтобы принудить Бёрли к согласию,

¹³² BL, Lansdowne MS43, fos. 127–128; Household Accounts and Disbursement Books of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1558–1561, 1584–1586. S. Adams (ed.) // Camden Society, 5th Series, 6 (1995). P. 228; Camden. P. 306–308; J. Bossy. Under the Molehill: An Elizabethan Spy Story. London, 2001. P. 96–99, 132–134; S. Alford. The Watchers: A Secret History of the Reign of Elizabeth I. London, 2012. P. 139–192.

¹³³ BL, Harleian MS285, fos. 123–125; BL, Harleian MS168, fos. 102–125; SP 84/1, no. 61; Adams. The Decision to Intervene: England and the United Provinces, 1584–1585. P. 19–31.

восходит к «Анналам» Кэмдена и может быть следствием неверно установленного авторства наиболее значимых документов дела¹³⁴.

Когда Бёрли отдал приказ укрепить ключевые порты Англии – Дувр и Портсмут, а также подготовить запас боеприпасов в Тауэре, переговоры об условиях англо-голландского соглашения еще не были завершены. Сильный шторм помешал голландским послам, отправившимся в Англию для согласования всех деталей, пересечь Ла-Манш вовремя, и они прибыли в порт Маргейт в графстве Кент только 24 июня. Главные пункты соглашения, так называемые «положения», были подписаны в августе в замке Нонсач в Суррее, еще одном увеселительном дворце Генриха VIII. Сады вокруг замка и украшения из лепнины в итальянском стиле создавались по образцу дворца Фонтенбло (название «Нонсач» буквально переводится как «непревзойденный»). Было постановлено, что Елизавета отправит «вельможу высокого звания и доброй репутации» во главе многочисленной и хорошо оснащенной экспедиционной армии, чтобы оказать помощь голландцам в их противостоянии с Филиппом¹³⁵. На счету был каждый день. Испанцы готовились к войне. К тому моменту они уже наложили запрет на загрузку и разгрузку англий-

¹³⁴ Adams. The Decision to Intervene: England and the United Provinces, 1584–1585, P. 23–24. Вводящие в заблуждение утверждения содержатся в: C. Read. Lord Burghley and Queen Elizabeth. London, 1965. P. 311–315. См. также: Camden. P. 319–321.

¹³⁵ SP 103/33, no. 82; BL, Harleian MS285, fos. 196–197v.

ских и голландских судов в портах Испании – эту тревожную новость сообщил Уолсингему капитан лондонского торгового судна «Примроуз», которому чудом удалось увести свое судно из Бильбао, избежав захвата вассалами Филиппа¹³⁶.

Из всех «вельмож высокого звания и доброго имени» по обе стороны Северного моря наиболее подходящим для того, чтобы повести за собой английскую экспедиционную армию, был граф Лестер. На протяжении более двадцати лет он не знал себе равных в борьбе за дело Реформации в Северной Европе и имел репутацию «доблестного и милосердного предводителя». Теперь же многие возлагали на него надежду, полагая, что он освободит голландский народ от подчинения, как некогда Моисей освободил сынов Израилевых от египетского рабства¹³⁷. Лестер и сам страстно желал возглавить войска. Наиболее серьезным препятствием на пути к этому могла стать привязанность Елизаветы к своему фавориту, единственному мужчине, которого она по-настоящему любила. Лестер не зря опасался, что королева не отпустит его от себя на столь рискованное задание, и в этих опасениях он был не одинок.

Лестер отличался атлетическим телосложением, высоким

¹³⁶ Hakluyt, II. P. 112–114; S. Adams. The Outbreak of the Elizabethan Naval War, in England, Spain and the Gran Armada, 1585–1604. M. J. Rodríguez-Salgado, S. Adams (ed.). Edinburgh, 1991. P. 45.

¹³⁷ T. Stocker. A Tragickall Historie of the Troubles and Civile Warres of the Lowe Countries. London, 1583. sig. a. iiiv.

ростом, стройной и грациозной фигурой. Пронзительные серо-голубые глаза, нежные, волнистые каштановые волосы с золотистым оттенком и усы, обильно посеребренные сединой, – именно таким типом красоты восхищалась Елизавета. К тому моменту их отношения длились уже почти сорок лет, а начались они еще в те времена, когда граф Лестер звался Робертом Дадли, а Елизавета была еще ребенком и жила в Хартфордшире под присмотром гувернантки¹³⁸. Когда ей было девять, а Роберту на год или около того больше, отец Елизаветы, с которым она никогда не была по-настоящему близка, но которого всегда глубоко почитала как волю Божьей государя, поселил ее сводного брата Эдуарда в то же поместье, где жила она¹³⁹. Распорядителем в доме стал сэр Уильям Сидни. Его сын-подросток Генри был одним из постоянных компаньонов юного принца и обучался вместе с ним. Семейства Сидни и Дадли всегда были близки: знакомство Елизаветы с Робертом Дадли состоялось, когда он, будучи еще мальчиком, впервые приехал погостить в поместье. В 1551 году Генри Сидни женится на сестре Роберта Мэри, и весьма вероятно, что именно она приобщила Елизавету к чтению дрянных итальянских новелл, которые та впоследствии так полюбила¹⁴⁰. Именно Мэри Сидни ухаживала за

¹³⁸ BNF, MS FF 15970, fo. 14; S. Adams. *Leicester and the Court: Elizabethan Essays* Manchester, 2002. P. 139.

¹³⁹ J. Guy. *The Children of Henry VIII*. Oxford, 2013. P. 98–101.

¹⁴⁰ S. Adams. ODNB, s. v. Mary Sidney. В 1567 году Джеффри Фентон, будущий

королевой, когда та слегла, пораженная тяжелейшей оспой. Мэри пришлось заплатить за это горькую цену: она заразилась от своей госпожи и была жестоко обезображена болезнью. Елизавета, лицо которой после выздоровления носило лишь слабые признаки пережитого недуга, бессердечно отвергла подругу, отдалилась от нее как физически, так и духовно, желая поскорее забыть о своих собственных небольших шрамах, которые стала тщательно скрывать, используя различные мази¹⁴¹.

В июле 1553 года, вскоре после того, как пятнадцатилетний Эдуард скончался на руках Генри Сидни, Елизавета даровала 21-летнему щеголю Дадли пост смотрителя своего лондонского поместья Сомерсет-Плейс¹⁴². А по прошествии месяца с того момента, как она всходит на трон, посол короля Филиппа II Испанского по особым поручениям, граф Ферриа, отмечает, что в ближайшем окружении Елизаветы Дадли уступает по своему положению одному лишь Бёрли¹⁴³. У

госсекретарь по делам Ирландии, посвятил Мэри свои переводы итальянских новелл Маттео Банделли, а в 1566 году Уильям Пейнтер посвятил первый том своего собрания, названного «Дворец удовольствия», ее брату Амброузу Дадли, графу Уорику. В 1579 году Фентон посвятил свою последнюю и самую амбициозную работу, перевод «Истории Италии» Гвиччардини, Елизавете.

¹⁴¹ SP 12/159, no. 1; BL, Lansdowne MS18, fo. 74; A. Riehl. *The Face of Queenship: Early Modern Representations of Elizabeth I*. New York, 2010. P. 55.

¹⁴² A. Bryson. "The Speciall Men in Every Shere". *The Edwardian Regime, 1547–1553*. University of St Andrews Ph. D., 2001. P. 198.

¹⁴³ The Count of Feria's Despatch to Philip II of 14 November 1558. M. J. Rodríguez-Salgado. S. Adams (ed.) // *Camden Society, 4th Series*, 29 (1984). P. 316.

Елизаветы была привычка – нарекать своих ближайших друзей прозвищами. Бёрли она звала «сэром Духом», Уолсингема – «мавром», а к Роберту обращалась более ласково, называя его «Робом», «милым Робином» или своими «очами».

Елизавета прикладывала так мало усилий к тому, чтобы скрыть свои чувства к Роберту Дадли, что в 1560 году Николас Трокмортон, живший тогда во Франции, с сожалением передает Бёрли скандальные слухи об их связи, усугубляющиеся тем, что молодой человек был женат. Многие полагали, что Елизавета позволяла Роберту питать излишне смелые надежды, доходящие до того, что однажды она может стать его женой. Граф Фериа, который не упускал ни малейшей возможности очернить протестантскую королеву, служил одним из главных источников сплетен об их якобы продолжавшихся любовных свиданиях. Позднее Елизавета отомстит Фериа, заставив его беременную жену ожидать аудиенции более двух часов стоя¹⁴⁴. Несмотря на слухи, в момент, когда королева была уверена, что умирает от оспы, она заявила о том, что «хотя она нежно любит и всегда любила лорда Роберта, Бог ей свидетель – ничего неподобающего между ними никогда не было»¹⁴⁵. Поверили в это немногие. Ситуацию усугубляли разговоры о том, что Дадли просто-напросто ждет смерти своей жены, чтобы потом сделаться мужем королевы. Роберт женился на Эми Робсарт, дочери состоятель-

¹⁴⁴ SP 70/5, fos. 183–184.

¹⁴⁵ CSPSp, 2nd Series, 1558–1567. P. 57–58, 263.

ного норфолкского землевладельца, в 1550 году. Они перестали жить вместе в дни коронации Елизаветы в январе 1559 года, после чего Роберт наведывался в поместье Эми от силы еще пару раз и, по слухам, перед каждым визитом получал от королевы строгий наказ «ничего с нею не делать» и носить только черное¹⁴⁶.

Ко всеобщему удивлению, воскресным днем 8 сентября 1560 года Эми была найдена умершей при загадочных обстоятельствах в Камнор-Плейс, поместье близ Оксфорда¹⁴⁷. Ее шея была сломана, а на голове нашли две раны – было решено, что она упала с каменной спиралевидной лестницы. В глазах общества Роберт немедленно прослыл убийцей, и ему пришлось приложить огромные усилия для того, чтобы донести до всех истинную причину смерти своей супруги. Несмотря на то что коронер признал смерть несчастным случаем, в деле оставалась недосказанность. Многих беспокоило то, что председатель коллегии присяжных сэр Ричард Смит в прошлом был слугой Елизаветы, а один из присяжных заседателей оказался хорошим знакомым Дадли. Насто-раживало и то, что Томас Блаунт, управляющий делами Дадли, отобедал с двумя другими присяжными незадолго до того, как те вынесли вердикт.

¹⁴⁶ A “Journal” of Matters of State Happened from Time to Time... until the Year 1562 // Religion, Politics and Society in Sixteenth-Century England. S. Adams and G. W. Bernard (ed.) // Camden Society, 5th Series, 22 (2003). P. 66.

¹⁴⁷ C. Skidmore. Death and the Virgin. London, 2010. P. 203–306, 377–378.

Роберт все еще верил, что может жениться на Елизавете, но в королеве проснулся инстинкт самосохранения. Она размышляла в течение нескольких дней, но в конце концов решила, что такой союз невозможен, если она хочет сохранить трон. Она не может позволить себе носить печать сообщницы в убийстве, будь Роберт хоть сто раз невиновен.

Такой версии придерживаются историки. Но слова самой Елизаветы заставляют нас сомневаться в ее истинных мотивах. Несмотря на то что Елизавета была страстно влюблена в Роберта как до коронации, так и после нее, через три месяца после церемонии Елизавета четко выражает свое намерение оставаться одинокой. «Я с радостью выбираю такую жизнь, которой живу теперь и которая до настоящего момента полностью удовлетворяла меня», – обращается королева к парламенту¹⁴⁸. Кэмден, автор «Анналов», сообщает, что она с чувством добавила: «Я уже сочеталась браком с законным мужем, а именно с английским престолом». Однако эту фразу он выдумал¹⁴⁹. Вот как на самом деле продолжила фразу Елизавета: «В конце концов, с меня довольно, если на моей надгробной плите будет выгравирована надпись о том, что королева, правившая в это время, жила и умерла девственницей»¹⁵⁰.

В 1576 году она снова касается этой темы в словах: «Будь

¹⁴⁸ Hartley, I. P. 44–45.

¹⁴⁹ Camden. P. 27.

¹⁵⁰ Hartley, I. P. 45.

я дояркой с ведром в руках... я бы не бросила этого занятия ради брака с величайшим правителем мира». Самое большее, на что она была согласна пойти под жестким давлением парламента, – выйти замуж в том случае, если встретит подходящего мужчину при подходящих обстоятельствах: «Пока такого человека нет, говорить не о чем». В одном королева была уверена или по крайней мере хотела, чтобы в это верили другие: «Я желала бы иметь детей, в противном случае я никогда не выйду замуж»¹⁵¹

¹⁵¹ Hartley, I. P. 146–147, 472–473.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.